

Виктор Алеветдинов

ПЕЧАТЬ УСТЬЯ

Книга 7

Правила Чёрного дракона

Правило VII.
УСТЬЕ ПРИНИМАЕТ ЛИШЬ
ЧЕСТНЫЕ ИМЕНА

Приключенческое фэнтези

18+

Виктор Алеветдинов

**Печать устья. Книга 7.
Правила Чёрного дракона**

«Автор»

2026

Алеветдинов В.

Печать устья. Книга 7. Правила Чёрного дракона /
В. Алеветдинов — «Автор», 2026

Люди ещё стоят на причале, а их имена уже исчезли. Терминал отправляет безымянных к трапу, который обрывается над водой. Скрипачка Марина Морозова умеет открывать проходы между мирами. Но теперь даже верная нота может стать приказом, а попытка спасти человека — лишить его выбора. До опасного прилива двенадцать суток. Марина и её команда идут вниз по Амуру, чтобы восстановить Печать устья. На борту — повреждённый смычок, старый договор и люди, которых она хочет вернуть домой. Правило VII. Устье принимает лишь честные имена. Здесь мало представиться: придётся признать то, что скрываешь даже от близких. Есть и другой путь: довериться официальным именам и подписям. Они уже удерживают воду. Только кто будет распоряжаться теми, кого спасут? Марина привыкла брать ответственность на себя. Сумеет ли она защитить любимых, когда самый опасный приказ прозвучит её собственным голосом?

Содержание

Часть 1. Вниз по течению	5
Глава 1. Белый список отплытия	5
Глава 2. Дом без руководителя	9
Глава 3. Имена на карточках	13
Глава 4. Под мостом нет берега	17
Глава 5. Условие Хранителя	21
Глава 6. Договор перед ночью	25
Глава 7. Бортовой номер ноль	29
Глава 8. Три подписи Дома	33
Глава 9. Русло с чужим именем	37
Часть 2. Города, которые река помнит иначе	41
Глава 10. Город по заводскому гудку	41
Глава 11. Дежурство Лизы	45
Глава 12. Склад потерянных фамилий	49
Глава 13. Чужая исповедь	53
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Виктор Алеветдинов

Печать устья. Книга 7.

Правила Чёрного дракона

Часть 1. Вниз по течению

Глава 1. Белый список отплытия

Марина подняла карту за угол, чтобы убрать из-под неё чашку, и вода потекла на стол. Бумага промокла насквозь. На месте Николаевска расплывалось тёмное пятно, хотя ещё минуту назад карта была целой.

Вода стекала со стола. Приписанные на полях имена участников экспедиции исчезали одно за другим. Марина провела пальцем по своей фамилии и почувствовала чернила, прежде чем они растворились.

— Лиза, список на вокзале. Проверь сейчас.

Дочь придвинула ноутбук. В Доме зрителей готовились к совещанию перед посадкой; Максим стоял у двери с дорожной сумкой. Заметив воду, он поставил её на пол и подставил под карту металлический поднос. Капли забарабанили по дну, и Марина сложила карту сгибом внутрь.

— Посадку начали, — сказала Лиза. — Но наши фамилии уже пропали. Остались номера мест.

Марина набрала сотрудника речного вокзала, с которым согласовывала посадку. Он ответил после первого гудка. В трубке звучало объявление.

— Марина Сергеевна, у вас ведомость пустая. Люди стоят передо мной, билеты есть, а сверить не с чем. Вы можете прислать...

Он замолчал. Марина услышала, как пластик ударился о стол, и приблизила телефон к уху.

— Что случилось?

— На пропуске фотография исчезла. И фамилия. Я его только что снял... Секунду, мне надо пройти к грузовому трапу.

— Оставайтесь на месте. Как вас зовут?

Связь не оборвалась, но ответа она не получила. Из динамика доносились шаги.

Марина взяла поднос и скрипичный футляр. Лиза потянулась за курткой, но мать остановила её.

— Ты остаёшься. Нужен список, который ещё не успели исправить. Виктор, помоги ей.

— Бумажный журнал у меня, — ответила Лиза. — Только не подписывай замену ведомости, пока не прочитаешь условия.

Машина ждала у входа. Алина сидела сзади с чехлом колокола на коленях. Марина дождалась её взгляда и показала мокрую карту. Алина освободила соседнее место.

У вокзала Корнёв тщетно прикладывал карточку к служебной двери. За стеклом стоял мужчина с пустым пропуском на груди. Он смотрел на стрелку терминала и двигался к лестнице.

Максим впустил их с пассажирской стороны. «Береговой» стоял у посадочного трапа; несколько пассажиров ждали у турникетов. До отплытия оставалось больше двух часов, но табло уже велело пройти в зону погрузки.

— Это не наш выход, — сказала Марина.

На экране под стрелкой стояло: «Объекты без имени. Грузовой маршрут». Марина догнала сотрудника вокзала на нижней ступени причала и взяла за локоть. Он остановился, затем стал высвобождать руку.

— Вы разговаривали со мной по телефону. Посмотрите на меня.

Он посмотрел на неё и перестал вырываться. Терминал у двери щёлкнул, и мужчина снова повернулся к воде.

По настилу двигалась белая полоса. Она прошла под его ботинками, оставив на мокрых досках иней. Холод поднялся Марине до колен; пальцы на чужом рукаве онемели. У турникетов женщина с маленьким чемоданом перестала спорить с дежурной и пошла следом за сотрудником. За ней повернули ещё двое.

За закрытой створкой грузового трапа настил уходил к воде, не доходя до борта. Сотрудник тянулся к защёлке.

— Максим, перекрой подход. Корнёв, аварийный выход!

Марина развернула мужчину за плечи. Он сделал шаг назад и тут же попытался обойти её. Максим снял с причального столбика верёвку, пропустил её через стойки поручней и загородил проход на уровне груди. Уперевшись в неё, сотрудник остановился, но ногами продолжал искать путь вперёд.

Виктория подошла к нему сбоку и заглянула в лицо.

— Куда вы сажаете людей?

Он открыл рот. Терминал повторил указание пройти на погрузку.

— Посмотрите на судно, — сказала Виктория. — Где пассажирский трап?

— Там, — выговорил мужчина.

— Зачем вы сюда пришли?

— Чтобы... людей посадить.

Он посмотрел на верёвку у себя перед грудью и отступил. Марина убрала руку с его плеча. Мужчина потрогал пропуск, потом поднял его к глазам; он выглядел растерянным.

— Я Сергей Петрович. Здесь работаю.

На пластике имя не возникло, но к трапу он больше не рвался. Виктория спросила женщину с чемоданом, где та собирается выйти. Женщина сжала ручку и назвала Комсомольск. Виктория встала перед следующим пассажиром.

Корнёв открыл крышку ручного привода спасательных ворот. Рычаг двигался до половины; он полез с инструментом под кожу.

— Палец замка не выходит. Его привод прижал.

— Питание снимем? — спросила Марина.

— Сначала разгрузу. Иначе закусит окончательно.

Турникеты за их спинами закрылись. Дежурная нажимала кнопку, но створки только вздрагивали. На причале оказались заперты те, кого табло направило к воде.

Сергей Петрович открыл служебное меню терминала. Сегодняшнее обновление приняли штатно, с действительной подписью. Белый Регистр воспользовался разрешением на замену программы. Иней уже лежал за пределами ворот, на досках, куда провода не доходили.

— Уберите людей из зала от стекла, — сказала она дежурной. — Посадку остановить. Позовите капитана.

Марина открыла футляр. За несколько недель после последнего перехода трещину смычка укрепили, но мастер запретил давить на трость. Пока соединение оставалось твёрдым.

Максим заметил скрипку и подошёл ближе.

— Где выход?

— Возле турникета. Между стойкой и водой.

Наружная решётка спускалась до края причала. За ней начинались ступени к берегу. Марина могла открыть шов, если доски и вода откликнутся на короткую фразу. Максим положил ладонь на поручень, обозначая место прохода.

— Я здесь, — сказал он. — Веди к ступеням.

Терминал повторил первые звуки коротким писком. Иней разросся. Марина остановилась: начало фразы без погрешности приняли за образец и повторяли без неё.

Виктория спросила женщину, кто встретит её в Комсомольске, отвлекая от трапа. Марина вступила раньше ожидаемой доли. Следующий звук нарочно не довела до нужной высоты.

Решётка дрогнула, сквозь неё проступили ступени. Максим шагнул за решётку, проверил опору весом и развернулся к остальным.

— По одному. Смотрите на меня.

Первым прошёл Сергей Петрович. На границе он споткнулся, ухватился за поручень и выбрался на берег. Виктория направила следом женщину, но её чемодан застрял между стойкой и решёткой. Марина чуть изменила нажим, расширяя проход. От трости донёсся треск.

Максим поднял голову и выставил ладонь.

— Остановись.

— Ещё двое. Сейчас.

— Марина, сними смычок.

Он потянул чемодан за ручку и вынес его на ступень. Женщина прошла, а стоявший за ней мужчина шагнул, не дождавшись приглашения. Марина поспешила вернуть фразу к прежнему ритму. На миг ступень под его ногой появилась в другом месте. Мужчина провалился между настилами, ударился боком о край и ушёл в воду.

Марина оборвала звук. Решётка вернулась на место, отрезав Максима от причала. Она схватила спасательный круг возле тумбы и бросила туда, где вынырнула голова пассажира.

— За круг! Перед вами!

Пальцы мужчины не слушались. Он не смог схватить круг, и течение понесло его под грузовой настил.

Максим лёг на нижнюю береговую площадку. Марина потянула конец, ведя круг к нему. Мужчина зацепился локтем за обод; Максим схватил его за ворот, но мокрая ткань выскользнула.

На борту «Берегового» матрос бросил второй конец с петлёй. Максим поймал его у площадки и протянул под мышкой пассажира. Только после этого они смогли подтянуть мужчину к ступени. Марина помогала выбирать верёвку с причала; ладонь обожгло трением, и она обернула конец рукавом.

Корнёв освободил замок ворот. Те открылись с таким рывком, что ударили его по плечу. Марина бросилась через проход на берег и вместе с ним приняла пассажира у Максима. Мужчина кашлял, прижимая руку к боку. Из рукава текла вода. На верхней ступени его снова потянуло повернуться к грузовому трапу.

Терминал повторял прежнюю команду. Виктория стояла у верёвки рядом с последним пассажиром; он сжимал поручень обеими руками, пытаясь удержаться. Марина увидела Алину возле раскрытого чехла и встала так, чтобы та могла прочитать её губы.

— Остановить принуждение у трапа. Только его.

Алина посмотрела на мужчину у поручня, затем на спасённого. Она подняла один палец, обозначая предел действия, и дождалась кивка Марины. Между половинами колокола на разомкнутой серебряной скобе оставался видимый зазор. Алина коротко ударила по одной половине и отвела руку.

Марина услышала низкий тон. Мужчина у верёвки разжал пальцы; Виктория вывела его через открытые Корнёвым ворота. Спасённый перестал поворачиваться к трапу. Звучание прекратилось. Турникеты остались закрыты, а пропуск Сергея Петровича был пуст.

Капитан Гребнев спустился на берег и вызвал медиков. Марина помогла пассажиру растегнуть мокрую куртку и укрыла его одеялом, принесённым матросом.

— Вдохнуть больно, — сказал он.

— Уже вызвали врача.

Он мог погибнуть за те секунды, которые она пыталась выиграть. Максим стоял рядом; с его рукавов капало на камень.

— Ты велел мне остановиться, — сказала она, поднявшись.

— Смычок треснул. Ты слышала.

Ей хотелось напомнить, кто здесь руководит, но Максим смотрел на спасённого. Она убрала скрипку; место ремонта смычка расходилось под пальцем.

Сергей Петрович принёс оставленный в зале поднос с картой. Вода больше не прибывала; на обороте листа проступили буквы.

Вдоль сгиба появилось: «До сизигийного прилива — двенадцать суток». Ниже проступила вторая строка: «Печать устья. Имена предъявляет владелец маршрута».

Марина положила карту на скамью, чтобы все могли прочесть. Для Алины она указала пальцем на срок. Гребнев наклонился над листом, затем посмотрел вниз по реке.

— До лимана дойдём. Если причал выпустит.

Сергей Петрович открыл на планшете аварийный порядок посадки. Теперь ведомость относилась экспедицию к грузу без сопровождающего. Для перевода людей на борт требовалось принять ответственность за маршрут. Внизу формы Марина увидела знакомое выражение: «Законный владелец обеспечивает непрерывность имён». Чжоу Лян употреблял его, когда объяснял преимущества своего порядка. Она задержала палец над экраном, но Сергей Петрович уже спрашивал, кто подтвердит заявку.

— Я. Объявляем экспедицию аварийной. Посадка только через этот выход, людей проверяем по бумажным записям.

Она подписала заявление. Гребнев забрал планшет, прочитал появившееся разрешение и велел перенести вещи. Отплытие он пока не подтвердил.

Под подписью Марины открылась новая графа: «Владелец всех имён маршрута». В ней стояло её полное имя. Удалить запись не получилось; форма уже ушла на согласование.

Марина отправила Лизе снимок экрана и поднялась на «Береговой». В коридоре она остановилась у седьмой каюты. На плане у лестницы после шестой начиналось служебное помещение. Под номером на двери белел соляной отпечаток. Марина узнала ладонь Хранителя и потянулась к ручке.

Глава 2. Дом без руководителя

Лиза положила телефон рядом с журналом и увеличила снимок, присланный матерью. Под подписью Марины стояло право владеть всеми именами маршрута. Утром она просила мать не подписывать замену ведомости, а теперь должна была исправить запись, по которой люди перестали принадлежать самим себе.

Виктор придвинул второй стул. На его экране была открыта речная ведомость: возле каждого номера места значилось «подтверждено владельцем». Фамилии исчезли, но система считала документ полным.

— Сохрани исходный файл, — сказала Лиза. — Не обновляй страницу.

Она раскрыла журнал. Максим расписался за страховочные концы коротким росчерком. Рядом Алина вписала условие участия. Чернила остались на месте; Лиза провела ногтем по вдавленной линии.

— У нас есть, — сказала она. — В ведомости нет.

— Камеры?

Лиза запросила запись с причала. Доступ Дома ещё действовал, и на экране появился Максим, перегнувшийся через поручень. Его лицо можно было узнать. Однако подпись под кадром относила его к имуществу экспедиции, а номер совпадал с номером места в ведомости.

На записи до обновления Максим входил в вокзал с сумкой. Подпись уже называла его объектом передачи: служебные сведения переписали задним числом.

— Вот тебе независимая камера, — сказала Лиза.

— Изображение отдельно. Подпись из общей базы.

Виктор вывел схему соединений. Два источника сходились к одному узлу. Запрос к пассажирской службе прошёл другим путём, но вернулся с тем же владельцем записи.

Лиза достала бумажные расписки на участие. Алина зачеркнула согласие на последующие действия и написала, что каждое обращение к колоколу обсуждается отдельно. Только эта правка ещё сохраняла её решение.

— Можно восстановить фамилии отсюда, — сказал Виктор.

— И отдать их матери в собственность?

— Сначала надо понять, что именно подтверждает форма.

На телефоне появилось новое уведомление. Лиза открыла предварительный просмотр. Заявление Марины превратилось в проект решения о временном назначении владельца экспедиционного контура. От Дома требовалось заверить полномочия руководителя. После заверения имена обещали вернуть автоматически.

Слова об ответственности стояли в начале формы. Право распоряжаться чужими маршрутными записями дописали в условиях обслуживания.

— По этой форме она сможет отвечать за всех, — сказал Виктор.

— Даже если они откажутся.

— Тогда откажется от их имени.

Лиза закрыла предварительный просмотр. Уведомление осталось, рядом начался отсчёт до автоматического подтверждения. На решение Дому дали двадцать минут.

Она позвонила матери. Марина ответила из коридора теплохода. В камеру попала дверь с номером семь, затем лицо матери.

— Получила снимок?

— Да. Здесь предлагают закрепить твоё право. Я пока не подтверждаю.

— И правильно. Нам нужно вернуть людей в список до выхода. Капитан без проверки не пойдёт.

— Что со спасённым?

— Его осматривают. Сознание ясное, но бок болит. Сейчас решают, везти ли на снимок. Лиза взглянула на кадр с причала, где Максим перегнулся через поручень. Мать продолжала говорить:

— Подготовь для каждого безопасную формулировку имени. Чтобы её не приняли за грузовую метку. Пришлѐшь мне, я проверю с людьми.

— По какому образцу?

— Ты знаешь, кто чем занимается. Начни с этого. Только без должностей.

Лиза записала распоряжение. Мать ждала ответа, но вместо привычного «хорошо» Лиза спросила:

— А если человек с твоей формулировкой не согласится?

— Исправим на месте. Лиза, мне нужны варианты, не спор.

Марина пообещала позвонить после разговора с капитаном и отключилась. Лиза придвинула Виктору лист с распоряжением.

— Приказ понятен, — сказал он. — Выполним?

— Фамилии сверим. Остальное пусть говорят сами.

— Она просила только подготовить.

— В форме тоже сначала просили только ответственность.

Лиза убрала лист под журнал. Мать выберет удобные формулировки, потому что до отплытия мало времени. Лиза знала, как легко соглашалась с ней сама.

Виктор сопоставил кадр с Максимом и расписку о получении снаряжения. На экране появилась отметка о материальном присутствии. Вторым слоем должен был стать ответ самого Максима.

— Позвони ему, — сказал Виктор. — Я запишу только вопрос и ответ, без оценки.

Максим стоял на палубе. Один рукав его куртки был мокрым; он поднял телефон другой рукой.

— Ты едешь по собственной воле? — спросила Лиза.

— Да.

— Подтверждаешь только своё участие?

— Только своё. Что у вас?

— Список проверяем. Пока не подписывай общую ведомость.

Виктор отправил ответ вместе со временем разговора, отделив его от снимка с камеры. Первый слой система приняла. Во втором признала голос и личность, но выдала отказ: пассажир не уполномочен изменять запись о себе. Подтверждение должно исходить от владельца маршрута.

Лиза показала экран Максиму. Он прочитал отказ и посмотрел за плечо.

— Я сказал тебе, — ответил он. — Можешь это записать.

Она сделала запись в журнале. После звонка Виктор придвинул клавиатуру и открыл настройки удостоверения.

— Технически обойти можно. Дом заверит наличие двух независимых подтверждений. Твоѐ удостоверение неполное, моѐ пока принимают.

— Кто будет менять запись?

— Я, по твоей проверке.

— А отменять её?

Виктор изучил условия обхода. Все дальнейшие изменения попадали под его удостоверение. Отказ человека пришлось бы заверять ему же.

— Получается ещё один владелец, — сказал он.

— Только здесь, за нашим столом.

Он отменил подготовку подписи. На экране снова остался отклонѐнный ответ Максима. Лиза открыла свою карточку: часть полей в ней давно не восстанавливалась, и теперь система

не могла решить, кто должен отвечать за её подтверждение. Кнопка заверения была недоступна. Зато рядом появился служебный путь, который в полной карточке Виктора скрывался за готовым ответом.

Посмотреть причину отказа ей разрешили. Лиза сохранила запрос: внутри лежал номер обновления, принятого на вокзале.

Снизу стукнули в дверь. Лиза услышала два удара, затем попытку повернуть ручку. Виктор поднялся, но она уже вышла на лестницу.

За стеклом стоял волонтёр Денис. Сегодня он должен был принять доставку для архива. Карточку он держал перед считывателем, но лампа не загоралась.

Лиза опустила ручку изнутри. Замок щёлкнул и снова закрылся. Она нажала кнопку ручного открытия; механизм сработал, однако дверь осталась на месте, словно полотно упиралось в порог.

— Денис, отойди на шаг.

Он послушно отступил. Виктор подошёл с ключом, повернул его до конца и потянул дверь. Между створкой и рамой появился просвет шириной с палец. Дальше она не шла, хотя язычок замка был убран.

— Вчера открывалась, — сказал Денис через стекло. — Я ничего не менял.

Лиза открыла дежурный график на телефоне. Утренняя смена начиналась с пустого места. В журнале, который она только что держала, имя Дениса было написано его рукой.

— Тебе приходило согласие на регистрацию?

— Утром. Я нажал, чтобы потом посмотреть.

— На какую кнопку?

Он поднёс телефон к стеклу. На экране стояло «Продолжить без ответа». Ниже появилась отметка о передаче подтверждения руководителю Дома. Денис попытался вернуться назад, но форма открывала ту же страницу.

Виктор снял крышку считывателя. Дверь не дрогнула. Денис посмотрел на часы.

— Мне через час на работу. Если сегодня не нужен, скажите.

— Ты нужен. Но форму за тебя подтверждать нельзя.

— Я и не просил.

Лиза поднялась за журналом. Подтвердить присутствие Дениса было просто. Вернуть ему дверь через чужое согласие означало продолжить процедуру, которая загнала пассажира в воду.

Она принесла журнал к входу и показала Денису его запись о дежурстве. Он наклонился к стеклу, прочитал и кивнул.

— Ты согласен, чтобы Дом подтверждал твои решения без тебя?

— Нет. Сегодня могу помочь с коробками. За всё остальное не подписывался.

Лиза записала его ответ рядом с прежней подписью. Оставила место для нового росчерка и вслух прочла написанное, глядя на Дениса. Виктор стоял рядом и слышал обе стороны.

Когда Денис подтвердил, Лиза снова взялась за ручку. Дверь открылась до упора. Волонтёр вошёл, расписался под ответом и сразу попробовал свою карточку. Считыватель её не принял.

— Значит, выходить мне пока нельзя? — спросил он.

— Выйти можно. Впущу вручную, если решишь вернуться.

Лиза вернулась к столу. В городском графике Денис не появился. Запись вернула проход здесь, при свидетеле; официальный допуск оставался недействительным.

До автоматического заверения полномочий Марины оставалось семь минут. Лиза открыла управление связью Дома с городскими службами. Отменить уже принятую материнскую подпись она не могла. Зато могла остановить отправку следующих подтверждений из Дома.

Виктор вернулся и посмотрел на выбранное действие.

— После отключения часть доступов закроют.

— Если оставить, через семь минут мы заверим владение людьми.

— Решение твоё. Запиши, что остановила и почему. С моей подписью как свидетеля.

Лиза вписала отказ Дома от автоматического подтверждения. Участникам оставила три ответа: «подтверждаю», «отказываюсь», «не знаю». Последний сохранял вопрос открытым. Виктор расписался ниже, и Лиза отключила отправку.

Счётчик остановился. Почти сразу закрылось окно камеры причала. Запрос к пассажирской службе вернулся с сообщением о приостановленном доступе, но снятые раньше копии остались у неё на диске.

Она открыла сохранённый служебный пакет. В нём был журнал согласований обновления. Лиза прошла от разрешения вокзала к приложенной форме передачи прав и увидела название группы Чжоу Ляна. Та же форма была отправлена ещё на один узел ниже по течению.

— Посмотри, — позвала она Виктора. — Здесь повторная установка. Они ждут маршрут дальше.

Он сверил номера пакетов. Совпали и условия назначения владельца, и порядок подтверждения отказа. Лиза скопировала журнал на отдельный носитель.

— Матери скажешь про Чжоу Ляна?

— После проверки самой подписи. Пока у нас его группа в цепочке, а не доказательство, что приказ отдал он.

Она отправила Марине сообщение о нижнем узле и приложила номер обновления. Следом написала, что автоматическое заверение остановлено, а возвращение фамилий ещё не восстановит личные права. О заготовках имён сообщила отдельно: распоряжение получено, выполнять его она не будет.

Ответ не пришёл. Вместо него на рабочем экране появилось уведомление о внеплановой проверке Дома. Основанием значился отказ подтвердить непрерывность экспедиционного контура.

Лиза потянулась к журналу, чтобы вписать время получения. На открытой странице уже была запись её почерком. Она убрала ручку.

Чернила легли в середину строки, оставленной для продолжения сегодняшнего дежурства. Над ними стояли дата её рождения и время рождения — на шесть часов раньше указанного матерью на обороте первой детской фотографии. Лиза ещё раз прочла строку: «Устье не знает дочерей, пока они не назовут себя сами». Затем повернула журнал к Виктору и положила ладонь на край страницы, не давая ему её перевернуть.

Глава 3. Имена на карточках

Марина положила на стол пачку карточек и потянулась за телефоном. В Доме было тихо: Денис переносил коробку в архив, придерживая дверь плечом. Лиза сидела перед погасшим окном камеры причала и не обернулась, когда мать вошла.

— Я за журналом, — сказала Марина. — И за расписками.

Лиза достала бумаги. Под отказом Дома от автоматического подтверждения расписался Виктор. Марина прочитала решение и вернула лист.

— Проверку назначили из-за этого?

— Да.

— Когда придут?

— Сообщат отдельно. Ты получила предупреждение про узел ниже по течению?

Марина кивнула. Капитан ждал на судне, до разрешённого окна оставалось два часа.

Лиза посмотрела на карточки. Марина накрыла их ладонью, хотя скрывать написанное не собиралась.

— Ты сама подготовила?

— Там варианты. Люди прочтут и поправят.

— Тогда зачем подпись руководителя?

В углу каждого листка Марина поставила инициалы. Она убрала руку, открыв надпись.

— Для проверки происхождения. Я не выдам это за их слова.

— Скажи им до того, как начнёшь проверку.

Лиза передала журнал. У входа Денис впустил доставщика вручную, дочь показала ему место для коробок. Марина вышла, не вмешиваясь.

Гребнев встретил Марину возле трапа. Спасённого пассажира увезли на обследование и сняли с рейса. Повреждённая ведомость по-прежнему относилась к грузу.

— Людей пересчитали, — сказала Марина. — Здесь их собственные расписки.

— По ним установим, кто поднялся на борт. Но как я узнаю, кого судно выпустит на берег?

Гребнев сравнил подписи и попросил принести список экипажа. Там фамилии сохранились.

— Проверим вручную, — сказал он. — Дальше проведу тревогу. Вы участвуете вместе со всеми.

— Нам надо обсудить маршрут.

— Обсудите после. Утром вы спасали человека чужими концами. Свои на борту найдёте?

Марина посмотрела на шкаф со знаком спасения. Гребнев указал на другой конец палубы.

— Это жилеты. Круги снаружи. И на каждом свой конец.

Через несколько минут прозвучал сигнал тревоги. Марина вышла из каюты с футляром и направилась к корме, где капитан назначил сбор. У лестницы Корнёв повернул вправо, а Виктория пошла за ним. Матрос остановил обоих и показал проход по другому борту: здесь спуск вёл в машинное отделение.

Марина окликнула Алину. Та продолжала закреплять чехол на скамье и не поднимала головы. Марина вернулась, встала перед ней и показала на выход. Алина взяла чехол, но возле лестницы остановилась: матрос говорил, отвернувшись к остальным, и она не могла прочитать его губы.

На корме Гребнев дождался всех. Он посмотрел на футляр у Марины и спросил, где её жилет. Она оставила его в каюте, рассчитывая взять по дороге, но прошла мимо шкафа.

— Это учебная тревога, — сказала она.

— Поэтому вы сейчас можете вернуться. При настоящей возвращаться бывает некуда.

Он отправил матроса показать размещение жилетов, а сам подошёл к Алине лицом. Говорил медленнее, не повышая голоса. Та указала на лестницу, затем на палубную лампу и жестом попросила повторить сигнал зрительно.

Марина принесла жилет. Пряжка упёрлась в большую ладонь; пришлось затянуть ремень левой рукой. Утром команда сработала. Здесь они разошлись по разным лестницам, а Алина не получила команды.

— Левый борт где? — спросил Гребнев.

Корнёв указал в сторону берега. Капитан развернул его лицом к носу и повторил вопрос. Корнёв исправился, потом посмотрел на Марину.

— Привык по течению считать. Сделаю метки.

— Сначала согласуете со старпомом. Мне ваши знаки на штатных стрелках не нужны.

Матрос показал путь к корме. Корнёв нанёс реперы на высоте ладони, провёл по ним пальцами с закрытыми глазами и попросил Викторию повторить маршрут.

Максим прошёл от кают до шлюпок, убрав сумку от двери. На узком участке двое в жилетах расходились только боком. Он показал остальным, как пройти, не зацепившись ремнями.

Алина собрала их возле лампы. Касание плеча означало просьбу повернуться к ней; поднятая ладонь — остановку. Направление она показывала всей рукой. Она проверила каждого; Корнёва попросила заменить кивок поднятой ладонью.

При втором сборе Виктория вывела Алину по реперам. Максим пришёл последним, проверив проход. Гребнев посмотрел на часы и убрал рацию.

— Теперь до обсуждения маршрута дожили. В салон.

Марина достала карточки, когда матрос закончил сверять подписи. Хотела начать с короткого объяснения, но Виктория уже заметила её инициалы и перевернула свой листок.

— Это для чего?

— Для сверки имени перед устьем. Чтобы запись не могла присвоить человеку чужую роль. Прочитайте сначала.

На листке стояло: «Свидетель, который возвращает человеку право ответить». Марина вспоминала утреннюю верёвку у трапа; слова казались ей точными.

— Кто дал тебе право это за меня написать? — спросила Виктория.

— Я предлагаю. Ты можешь изменить.

— А оставить без ответа?

— Конечно.

Максим положил сложенную карточку возле локтя. Открывать не стал, продолжая изучать план палубы.

— Тебе тоже надо проверить.

— После того как решим, нужна ли эта проверка.

Алина прочитала заготовку. Марина показала ей чистый оборот для собственного варианта. Алина отложила карандаш.

Перед проверкой балласта капитан попросил оставаться в салоне. Вода прошла по трубам под полом. Стакан качнулся, хотя волны у причала не было.

Марина придержала его и увидела, как карточка Виктории скользнула по столу. Листок остановился возле края, обращённого к корме. Следом туда потянулась ладонь Виктории.

— Я её не двигаю, — сказала та.

Алина встала. Её чехол остался на скамье, но она потянулась к нему обеими руками. Максим отодвинул стул и шагнул к двери, ведущей на нос. Марина окликнула его; он остановился, упираясь подошвой в пол.

Из машинного отделения передали о переполнении левого танка. Гребнев приказал остановить перекачку. Крен продолжал нарастать; стакан опрокинулся, вода залила край плана.

— Закрывайте ручную, — сказал капитан в рацию. — Я иду.

Виктория схватилась за стол. Марина протянула ей руку, но та оттолкнула её запястье и показала на карточку. Под её текстом выступила ещё одна строка: «Назначение подтверждено владельцем маршрута».

На листке Алины проступило то же подтверждение. Её тянуло к колоколу. Викторию разворачивало так, чтобы она видела остальных. Вода распределяла людей по написанным Мариной ролям.

— Не касайтесь бумаги, — сказала Марина.

Она прижала листок ладонью. Давление толкнуло руку к корме. Бумага прилипла к столу. Гребнев остановился у двери.

— Что вы сейчас сделали?

— Записала функции. С моей подписью.

— Отменяйте. Клапан закрывают, а вода идёт дальше.

Матрос снял крышку лючка. Корнёв посветил внутрь: труба вибрировала, хотя насос остановили.

Максим ухватился за косяк, пытаясь перенести вес назад. Его карточка лежала закрытой. Подписи Марины оказалось достаточно.

Марина сорвала со стола листок Виктории и разорвала пополам. Давление на ладонь ослабло. Она порвала карточку Алины; та отпустила чехол и тяжело села на скамью. Последней Марина взяла сложенную бумагу Максима. Он кивнул ей, и она разорвала её, не разворачивая.

— Все листки сюда, — сказала Виктория. — Сначала остановим это.

Марина порвала оставшиеся заготовки, включая карточку Хранителя, и бросила клочки в тарелку. Его дверь пока не открывалась.

Крен перестал увеличиваться. Матрос спустился к балластному приводу вместе с Корнёвым. Клапан закрыли, но уровень менялся.

— Мне нужен короткий ритм, — сказала Марина капитану. — Когда вода остановится, выровняете обычным способом.

— Где остановится?

— На границе танка. Дальше тянуть не буду.

Максим придержал крышку футляра и коснулся повреждённой трости. Марина отвела смычок.

— Четыре доли. Без нажима.

— Скажи, когда закончишь.

Она кивнула. Виктория встала так, чтобы видеть смычок и Алину одновременно. Вода из стакана стекла под скамью, но последняя капля тянулась к лючку. Марина подстроила первую долю под вибрацию трубы, затем сдвинула вторую. Третью оборвала раньше, чем труба успела отозваться.

Корнёв стукнул по металлу, обозначая остановку. Марина дала четвёртую долю и сняла смычок. Матрос подтвердил по рации: уровень не растёт.

Гребнев сразу приказал проверить закрытие и начать выравнивание. Под ногами заработал насос; стол медленно вернулся в горизонтальное положение. Марина опустила скрипку. Смычок выдержал, но ладонь, обожжённая утром верёвкой, дрожала от усилия.

Максим отодвинул футляр от мокрого края. От его заготовки осталась сложенная половина с нераскрытым текстом.

— Больше не раздаём, — сказала Виктория.

— Так писать нельзя. Теперь ясно.

— Марина, дело началось до письма. Ты решила, как каждому следует назвать себя.

Утром людям помогли вопросы, а она приготовила ответы. Но без проверки они могли назвать устьем такое, что не позволит вернуться. Марина пока не была готова отказаться от подготовки.

— Карточки отменяю, — сказала она. — Обрывки сохраним. Надо понять, какие слова подхватила вода.

Виктория дождалась её взгляда. Марина отложила папку, давая ей договорить.

— И мне нужно право остановить проверку. Даже твою. Когда человек соглашается, потому что ты руководитель.

— На время перехода?

— При каждом ритуале с людьми.

Марина согласилась. Условия записали на чистом листе, оставив отдельное место для личного подтверждения каждого. Алина прочла текст и первой поставила подпись. Максим расписался после неё, не обсуждая свою карточку.

Открылась дверь седьмой каюты. Хранитель вышел в коридор, и Марина поднялась навстречу. На ручке оставалась соль.

— Вы были здесь всё утро?

— Я не знал, какой выход откроется. Сейчас вышел сюда.

Хранитель подошёл к столу и посмотрел на мокрые клочки. Марина подала ему уцелевшую половину его карточки, но он попросил положить её перед ним.

— Мы пытались защитить имена, — сказала она.

— И кто теперь может отказаться?

Виктория показала лист с новыми условиями. Он прочёл, затем повернулся к Алине лицом, чтобы она видела его слова.

— К Печати допускаются те, чьё имя можно потерять без потери права отказаться.

Марина взяла карандаш, но Хранитель накрыл лист ладонью. Она отложила карандаш и спросила, достаточно ли собственного ответа человека. Он указал на её подпись под условиями Виктории.

— Для начала дайте ему остановить вас.

Гребнев вернулся из машинного отделения. Балласт выровняли, повторная проверка течи не обнаружила. Капитан положил перед Мариной план судна.

— Выход разрешаю. На реке последнее решение о безопасности судна принимаю я. Если скажу прекратить, прекращаете.

— Даже когда вы не видите шва?

— Тогда объясняете, где он. Но судно останавливаю я.

Марина приняла условие и подписала запись в судовом журнале. Гребнев велел старпому готовить выход. Максим пошёл с матросом к шлюпке; Марина осталась собирать обрывки в папку. Закрытую половину его карточки она положила отдельно и не стала читать.

Хранитель поднял кусочек бумаги, прилипший к тарелке. На нём сохранилось слово «замок». Он перевернул листок, и на его раскрытой ладони проступили те же буквы, выложенные солью. Марина подала ему салфетку. Он провёл ею по коже, но буквы остались; тогда положил обрывок перед ней и закрыл ладонь.

Глава 4. Под мостом нет берега

Максим вынул Камень Звезды из чехла и положил на раскрытую ладонь. Трещина пересекала прежнюю светлую жилку; возле неё появился второй отсвет, направленный прямо на мостовую опору. Между бетоном и водой открылось русло, которого не было на судовой карте.

Через три часа после отплытия «Береговой» остановился перед мостом: по пути дважды проверяли маршрутную запись. Настоящий проход лежал левее, а линия Камня уходила в бетон.

— Там воды нет, — сказал Гребнев.

— На поверхности нет. Надо проверить снизу.

— Камень туда ведёт?

— Показывает действующую линию. Куда она выйдет, я не знаю.

Марина подошла к поручню. В стекле рубки за её плечом стояла белая тень Максима. Он обернулся: на палубе за Мариной никого не было.

— Шлюпка вернётся до прохода судна, — сказал капитан. — Я здесь жду. Под опору не лезть, пока не проверите течение.

— Я пойду, — отозвался Корнёв.

Корнёв поморщился, придерживая плечо, ушибленное воротами. Максим подал ему жилет и спросил, какой рукой удобнее работать.

— Левой. Правую поднимать больно.

— Тогда конец твой. Мотор ведёт матрос.

Двое матросов готовили шлюпку. Максим спросил, согласны ли они идти к границе прохода. Старший ответил:

— Если на лодке последнее слово по манёвру остаётся за мной.

Максим согласился. Корнёв закрепил страховочный конец на кормовой проушине; бухту оставили на теплоходе. Рулевой проверил ручной компас.

Марина наклонилась к Максиму и коснулась его плеча.

— Если увидишь второй проход, сначала сообщи.

— Сообщу, когда будет что проверять.

Она выпрямилась. Он мог сказать мягче, но с утра ему уже дважды предлагали принять чужую формулировку своего решения.

Шлюпку спустили. Матрос вывел её из-под борта, Корнёв следил за концом, который отпускали с кормы. Максим сел впереди, направив Камень к ближайшему краю опоры. Проверить проход и вернуться по своему следу — дальше он пока не соглашался идти.

В тени пролёта звук мотора исчез. Максим коснулся борта: вибрация сохранялась. Старший проверил струю за винтом и убавил ход.

— Работает, — сказал он.

Его голос Максим слышал. Он показал на опору и попросил пройти вдоль неё, сохраняя расстояние. Бетон отражался в воде без привычной ряби, хотя течение упиралось в нос шлюпки.

Позади должна была оставаться открытая река. Максим повернулся и увидел ещё один пролёт. За ним стояла такая же опора с обнажённым камнем у основания. Он посмотрел вперёд: там повторялся тот же скол бетона на уровне воды.

Корнёв поднял страховочный конец. Верёвка уходила назад, но вместо борта теплохода там был проход между опорами.

— Сколько отпустили? — спросил Максим.

— До второй метки. Дальше с судна не дали.

Второй матрос приложил ладонь к верёвке. Она едва натягивалась; за ближайшей опорой конец возвращался к ним отражённой петлёй. Корнёв взял её багром. Крюк прошёл сквозь изображение, а настоящая верёвка дёрнулась у кормы.

— Эту не трогаем, — сказал Максим. — Свою оставь на креплении.

Гребнев ответил по рации с задержкой. Теплохода за опорами не было видно.

— Проход замкнулся, — сообщил Максим. — Судно не двигать. Проверяем выход.

Капитан подтвердил. Старший матрос заглушил двигатель, чтобы верёвку не намотало на винт. Вода не понесла шлюпку назад: лодка удерживалась перед сколом бетона, постепенно разворачиваясь к нему носом.

Максим достал Камень. Светлая линия показывала прямо под основание опоры. Он опустил руку ниже, к воде, и увидел на отражённом бетоне надпись: «Устьевой маршрут. Приём имён». Камень указывал на метку, а не на безопасное русло.

Под надписью проступило его имя. Следом появилась фамилия Марины. Лиза ещё оставалась в Хабаровске, но её запись уже стояла здесь, среди участников будущего прохода. Максим убрал руку, и надписи исчезли вместе с отсветом.

— Что там? — спросил Корнёв.

— Приёмная метка. До моста дошла.

Вода возле носа вспучилась. Из неё поднялся человек в спасательном жилете и поставил ладонь на планширь. Максим увидел своё лицо, затем прочитал фамилию на нагрудной пластине. Фигура пыталась сесть туда, где сидел он.

Максим упёрся ногой в скамью и оттолкнул чужую руку веслом. Дерево прошло сквозь пальцы, но на борт навалился настоящий вес. Шлюпка накренилась. Второй матрос подался в противоположную сторону, удерживая её от переворота.

Из воды у кормы появилась женщина с лицом Виктории. Она заняла место напротив Корнёва, хотя сиденье было уже закрыто его сумкой. Её колени проступили через ткань. Корнёв поднял сумку, и фигура сразу придвинулась ближе.

— Верни груз, — сказал Максим.

— Она на нём сидит.

— Пока только изображение. Положи на место.

Корнёв опустил сумку. Колени исчезли, а рука фигуры вцепилась в край скамьи. На её жилете осталась пластина с чужим именем. Она подняла голову, пытаясь встретиться с ним глазами.

У самой воды возникла фигура в куртке матроса. Старший потянулся помочь, но остановился, увидев своё лицо.

— Они по списку садятся, — сказал он.

— Им нужны наши места. Сместимся.

Второй матрос пересел к носу, старший — ближе к середине. Корнёв подвинул груз к корме, не меняя крепления конца. Лодка изменила посадку; вода у носа поднялась до новой отметки.

Максим отодвинулся от прежнего места. Его отражение попыталось сесть, но скамья оказалась выше. Фигура провалилась по пояс, оставив голову и пластину над водой.

— Вёсла берите вы, — сказал Максим матросам. — Я проверю край. Корнёв, следи за своим концом.

Старший поставил весло в уключину. Второй повторил движение по другому борту. На первый гребок вода ответила обычным сопротивлением. Шлюпка сдвинулась на полкорпуса, а фигуры остались у старых мест.

Пластина потянула отражение вслед за лодкой. Фигура пробовала подняться выше, теряя часть фамилии. Ради нового места ей приходилось отпускать запись, которая привела её сюда.

— Ещё гребок. Вместе.

Матросы провели вёсла назад. У кормы отражённая Виктория отпустила скамью; буквы на её пластине расплылись, и лицо тоже потеряло сходство. Она ударилась о борт бесформенной массой воды.

Корнёв пригнулся. Шлюпку развернуло, и Максим схватился за край скамьи, удерживая равновесие. Фигура с его лицом догнала нос шлюпки. На мгновение лицо оказалось напротив, и Максим увидел в её глазах пустую шлюпку: сам он сидел в ней один, а на теплоходе никто не ждал возвращения.

Фигура потянулась к его жилету. Старший провёл лопастью между ними, разорвав отражение на воде.

— Куда грести? — спросил он.

Максим посмотрел на компас. Стрелка сохраняла направление, однако одинаковые опоры не давали выбрать проход. Камень по-прежнему светился в сторону метки. Он положил его на скамью и попросил Корнёва проверить боковой край багром.

Крюк ударил по бетону. Справа появилась белая тень. Она стояла на воде и смотрела на промежуток за кормой.

— Покажи выход, — сказал он.

Тень не повернулась. Её рука опустилась к отражённой петле страховочного конца. В пальцах тени отразился нож с пояса Максима. Лезвие прошло по воде, и петля разошлась на две части. Настоящая верёвка осталась на кормовой проушине, но теперь потянула лодку в сторону открытой реки.

Корнёв перехватил её обеими руками, вскрикнув от боли в плече.

— Пошла!

— Отдай слабинку. Рукой не тормози.

Максим помог пропустить конец через направляющую. За кормой появился «Береговой», маленький между опорами. Белая тень указала левее него, туда, где вода уходила от бетона косой рябью.

Камень лежал без света. Путь показала тень, и только после этого отсвет начал поворачиваться к ряби. Максим взял Камень, не закрывая его ладонью, и поднял руку к настоящему проходу.

— К себе вернёшься? — спросил он тень.

Тень отступила, продолжая указывать на русло. Максим убрал протянутую ладонь и сел ниже, освобождая матросам движение.

— Идём туда, где рябь. До конца опоры, потом к судну.

— Там течение боковое, — сказал старший. — Носом его примем.

Максим согласился. Матрос изменил угол весла, второй подстроился под него. Белая тень шла рядом с другим бортом, не касаясь лодки. Отражённая фигура Максима ещё держалась за корму; Корнёв подвинул туда сумку, и её ладонь распалась на воду.

На выходе шлюпку прижало к опоре. Старший упёрся веслом, второй перенёс вес на противоположный борт. Максим приподнялся, стараясь дать им место, и сжал Камень, чтобы не уронить.

Трещина раскрылась под пальцами. Кожу ладони разрезало по той же линии, от основания большого пальца к запястью. Максим выпустил Камень на дно и прижал руку к жилету. Боль дошла до локтя, но безымянный палец уже не чувствовал ткани.

— Сидеть! — крикнул старший. — Сейчас отойдём.

Максим опустился на скамью. Матросы сделали короткий гребок, и вода вынесла лодку из тени опоры. Звук вернулся сразу: мотор «Берегового» работал на малом ходу, страховочный конец скрипел о направляющую. За спиной остался один обычный пролёт.

Второй матрос перестал грести. Старший назвал его по фамилии, но тот продолжал смотреть на воду, не отзываясь.

— Весло из воды убери, — сказал Максим.

На эти слова матрос ответил. Поднял весло и повернулся к нему, словно ждал следующего действия. Максим спросил, почему он не отозвался старшему.

— Это не меня звали.

Матрос прочитал фамилию на жилете и пожал плечами. Как закрепить вёсла, он помнил, но служебное имя больше не относил к себе.

Корнёв перевязал Максиму ладонь полотном из сумки. Максим попытался придержать конец повязки и обнаружил, что мизинец тоже не чувствует прикосновения. Он оставил руку на колене, не пытаясь проверить её ещё раз.

— До борта дойдём на моторе, — сказал старший. — Ты путь показал, дальше я.

Он запустил двигатель. Корнёв выбирал конец, а второй матрос складывал вёсла. Максим смотрел на воду у другого борта; белая тень исчезла прежде, чем лодка приблизилась к теплоходу.

Марина ждала возле подъёмника. Она заметила повязку, но сначала помогла принять шлюпку. Когда все четверо поднялись, Максим передал Камень Корнёву: тот завернул его отдельно от окровавленного полотна.

— Источник маршрута? — спросила Марина.

— Самостоятельный свидетель. Личность для записи не установлена. Материальный проход проверили вёслами и компасом.

Максим умолчал, что тень показала путь раньше Камня. Марина потребует объяснить, почему он ей доверился. Сейчас он не был готов отдать этот выбор на общую проверку.

— Ты узнал свидетеля? — спросила она.

— Он с нами не поднялся.

Марина закрыла журнал, задержав на нём взгляд. Корнёв подвинул схему и показал место разрезанной петли, не отвечая за Максима.

Гребнев выслушал старшего матроса и запросил береговую службу. Максим отметил проход на карте, отделив его от метки у основания опоры. Капитан выбрал обычное русло, которое они увидели на выходе, и подтвердил манёвр экипажу. Только после этого «Береговой» дал ход.

Матрос с чужой для него фамилией остался рядом с Корнёвым. На обращение «эй» он уже повернулся, но инженер подошёл ближе и попросил его назвать себя так, как сейчас удобно. Тот назвал имя без фамилии. Корнёв записал его на бумаге и остался с ним ждать повторной проверки.

Максим пошёл к кормовому проходу, чтобы не мешать подъёму шлюпки. Боль в ладони пульсировала, два пальца лежали на повязке неподвижно. Он хотел дойти до каюты и сесть, однако возле двери увидел мокрый след босой ноги.

За кормой остался мост. Следы начинались у поручня, где никто не поднимался из воды, и шли по палубе к каюте Марины. Максим проследил их до самого порога. Последний отпечаток лежал носком к закрытой двери; обратных следов на настиле не было.

Глава 5. Условие Хранителя

Хранитель придержал дверь седьмой каюты, когда вода затекла под порог. Она двигалась против наклона пола. За дверью мокрые следы ещё вели к комнате Марины, но здесь отпечатки повернули к нему, пересекли порог и остановились возле койки.

Он опустился на колено. В первом следе не хватало большого пальца; следующий был шире и глубже, с продавленной пяткой. Так стояли у закрытого люка люди, которых прежняя Печать не выпустила обратно. Тогда он запомнил обувь. Теперь они пришли босыми.

Хранитель провёл ладонью по полу, не касаясь отпечатков. Из щели между досками выступила соль. Буквы на его руке, оставшиеся от карточки Марины, снова проступили на коже. Он сжал пальцы и поднялся, чтобы закрыть дверь, но в стекле уже отражалась Лавка.

За корабельной переборкой стоял его старый стол. На краю лежала папка, которую он не сумел взять с собой утром. Хранитель надавил на стенку; под ладонью оказался деревянный косяк. Он переступил через нижнюю планку и вошёл в Лавку, продолжая слышать двигатель теплохода.

Папка была зажата ножкой настольной лампы. Он поднял лампу и потянул картон к себе. Капля с рукава упала на обложку, хотя его одежда не намокала. На полу каюты прибавился ещё один след.

Через дальнюю дверь можно было выйти на улицу и передать папку Лизе. Он опять выдал бы нужную вещь и остался ждать результата. Люди не знали, какая запись придёт вместе с картой.

Папку пришлось вытаскивать обеими руками: дверь тянула её назад. Он вернулся в каюту и освободил место для бумаг между отпечатками.

Первым он вынул карту. На ней берегам дали официальные имена, а прежний путь отметили красным карандашом. У нижнего края сохранился прямоугольник для владельца. Хранитель положил лист на пол, и соль потянулась от следа к его пальцам.

В прямоугольнике проявилось начало его имени. Хранитель подложил под карту обложку папки, и буквы побледнели. Бумага требовала ответа того, кто передаёт её дальше.

Дневник был написан на одном большом листе, сложенном вчетверо. Под последней строкой оставалось место для подписи, но чернил там никогда не было. Хранитель развернул его рядом с картой. Соль дошла до края и остановилась; чистое поле не заполнилось.

Третий лист он держал дольше. Договорная формула начиналась обычным указанием места встречи у границы речной и морской воды. Ниже стояло условие возвращения. Последнюю часть закрывал сгиб, прижатый старой печатью. Хранитель провёл пальцем вдоль сгиба и вспомнил, как однажды прочёл эти слова вслух, не дождавшись отдельного ответа каждого.

Четвёртый лист лежал в закрытом конверте. На клапане сохранилась его подпись. Он положил его отдельно, ближе к койке, и соль сразу обвела вокруг белый прямоугольник. На первых трёх листах проступило требование назвать владельца. На конверте такое поле уже было заполнено.

Хранитель попробовал придвинуть карту к дневнику. Полоска соли вытянулась к конверту, соединяя их. Он убрал карту обратно, и соединение распалось. Если передать всё разом, его давняя подпись соберёт листы в один договор. Новый получатель сможет сверить путь, но собственный ответ уже окажется приложением к решению Хранителя.

В коридоре остановились шаги. Марина постучала, затем назвала себя. Он открыл дверь не полностью, загородив ногой бумаги на полу.

— Максим нашёл следы, — сказала она. — Они заканчиваются у моей каюты.

— Здесь продолжились.

Она наклонилась, увидела мокрые отпечатки и убрала руку с косяка. Хранитель заметил перевязь на её ладони и подвинул обложку папки, освобождая ей место у входа.

— Можно войти?

— До края карты. Пока дальше не надо.

Марина переступила порог. След под её ботинком исчез, а за пяткой возник снова. Она оглянулась на коридор, проверяя, остаётся ли выход открытым.

— Что это за люди?

— Из прежнего похода к Печати.

— Они вернутся?

Хранитель посмотрел на след без большого пальца. Ответ, который от него ждали, он когда-то уже давал. После него закрыли люк шлюпки, чтобы вода не вошла внутрь. Под краем крышки осталась складка чужого рукава; он тогда освободил ткань и помог опустить крышку до конца.

— Я не знаю, — сказал он.

Марина присела возле карты. Хранитель успел придержать её за рукав, прежде чем пальцы коснулись поля владельца. Соль поднялась вдоль края бумаги и осыпалась обратно.

— Здесь что-нибудь можно взять без подписи?

— Можно. Но сначала нужно отделить то, за что отвечаю я, от того, что решать вам.

Красная линия уходила к старой стоянке. Марина собралась снять карту; Хранитель попросил включить в кадр нижний край.

— Если отрежешь поле, оно останется у меня. Тогда карта начнёт подтверждать маршрут моим ответом.

— А если оставить?

— Увидишь, что ответа пока нет.

Она сняла лист целиком. На экране поле оставалось пустым, а на бумаге опять выступило начало имени. Хранитель накрыл его обложкой.

Марина посмотрела на договорный лист. Её пальцы остановились у закрытого сгиба.

— Мы можем прочитать условия до того, как согласимся?

— Эту часть можете.

— Остальное?

Он коснулся конверта. Соль легла ему на ноготь и не стряхнулась, когда он повернул руку. На миг перед ним оказалась другая подпись, крупная, неровная. Её поставили под общим решением. В соседней графе, где можно было отказаться, его строка осталась чистой. Никто не спросил его снова; он тоже промолчал.

— Остальное я пока не передам.

— Оно касается нас?

— Да.

Марина поднялась. Хранитель увидел, как она убрала телефон в карман, оставив снимок карты без дальнейшей проверки.

— Тогда почему я должна брать эти бумаги?

— Потому что без них вы не найдёте старую стоянку. Но они не дают готового решения.

— И ты оставляешь часть условий у себя.

— Оставляю лист с моей подписью. За него отвечаю я.

Он не добавил, какую силу получит комплект, если конверт вскроют. Марина видела, как её инициалы назначили людям места. Перед ней лежала записка, которую следовало проверить, прежде чем принять.

В стекле появилась белая тень Максима. самого Максима Хранитель видел после перевязки, у его каюты. У отражения ладони были открыты, кожа оставалась целой.

Марина повернула голову, но тень смотрела на Хранителя. Он отступил от бумаги, давая ей место. Отражённая рука опустилась к дневнику и остановилась над чистым полем подписи.

— Это твой выбор? — спросил он.

Тень указала на последнюю строку. В ней автор признавал, что не смог подтвердить имя одного из спутников. Ниже могло стоять чужое имя, подставленное для завершения записи. Поле осталось пустым, и именно это позволило сохранить вопрос открытым.

Хранитель подвинул дневник к Марине. Тень не потянулась к остальным листам. Она выбрала для людей нужную запись, и он принял её выбор.

— Ты видел, кто это писал? — спросила Марина.

— Видел лист до того, как он попал сюда. Автором себя не назову.

Он перевернул обложку папки и написал на ней, откуда передаёт дневник. Оставил отдельно строку о неподтверждённом авторстве. Соль у его пальцев остановилась, не переходя на чистое поле самого листа.

Тень отвела руку. На стекле снова отразилась Марина, стоявшая у порога, и ночной коридор за её спиной.

Хранитель положил карту на обложку. Под ней записал, что передаёт изображение прежнего пути для проверки, не подтверждая нынешний маршрут. Следом отделил доступную часть формулы от закрытого сгиба. Он не разорвал бумагу, а сложил её так, чтобы Марина могла прочитать открытый текст, не принимая полный договор.

— Здесь будет недоставать продолжения, — сказал он. — Отмечай его как неизвестное. Не дописывай по смыслу.

— Когда ты покажешь его?

— Когда сумею передать без своей старой подписи. До этого каждый шаг, который зависит от продолжения, надо остановить.

Марина ещё раз прочитала открытую часть. В ней разрешалось прийти к границе и предъявить вопрос о возвращении. Разрешения отвечать за спутника не было. Она положила лист рядом с дневником, сохранив между ними промежуток.

— Что ты потребуешь взамен?

— В каждой точке маршрута хотя бы один человек должен получить настоящую возможность отказаться от участия.

— Виктория уже может остановить ритуал.

— Остановить его для всех и уйти самому — разные решения. Человек должен знать, где останется, если не пойдёт с вами дальше.

За дверью прошёл матрос. Марина дождалась, пока шаги удалятся.

— На берегу можно договориться о возвращении. В русле такой возможности не будет.

— Тогда решение принимают до отхода. И оставляют время на ответ.

— А если все захотят идти?

— Проверите, могли ли они остаться. Принуждать к отказу не нужно.

Хранитель поднял конверт. Соль от четырёх отпечатков разом потянулась к его ладони. Он прижал клапан большим пальцем, не давая старой подписи раскрыться. Передать бумаги и вернуться в Лавку уже не получится: закрытый лист останется действовать в экспедиции через него.

— До устья пойду с вами, — сказал он. — Свой лист не оставляю вам вместо себя.

Марина попросила показать запись о передаче. Он обозначил конверт как удержанный, без права использовать его за остальных. Она вписала, что принимает три материала для проверки.

Она подписалась сама. У нижнего края карты соль осыпалась, оставив поле владельца пустым. Хранитель собрал передаваемые листы в папку и отдал ей; запечатанный конверт остался у него.

Марина задержалась у порога. Папку она держала обеими руками.

— Если пойму, что без закрытого листа идти нельзя, остановлюсь.

— Тогда остановлюсь с вами.

Она вышла, прижимая папку к боку. Хранитель подождал, пока её шаги удалятся, и повернулся к Лавке. Старый стол стоял совсем близко; лампа освещала место, где прежде лежал архив. Он потянулся поставить её на край, но пальцы упёрлись в корабельную переборку.

Дерево исчезло. За стеной слышалась вода, а под ногами работал двигатель «Берегового». Хранитель провёл ладонью вдоль стыка, нашёл обычный винт и нажал на него. Проход не открылся. Седьмая каюта осталась на судне; до Лавки из неё теперь было не дотянуться.

Он сел на койку с конвертом на коленях. Следы побледнели, остановившись там, где лежали переданные листы.

На внешней стороне конверта проступила дата. Хранитель отсчитал от сегодняшнего дня двенадцать суток. Дата на конверте совпала с предполагаемым днём восстановления Печати. Ниже открылась графа «Постоянное присутствие», и в ней появилось имя Ли Чжун. Он придержал клапан, проверил, что печать цела, и убрал конверт во внутренний карман.

Глава 6. Договор перед ночью

Марина убрала папку Хранителя со стула и постучала в соседнюю каюту. За дверью скрипнула койка. Максим открыл не сразу; на перевязанной руке висел расстёгнутый рукав, который он не смог снять сам.

Она придержала дверь, но осталась на пороге. После обработки раны его велели оставить в покое до утра. Сам Максим уверял, что спать пока не собирается, и теперь сидел на краю койки, подложив под ладонь свёрнутое полотенце.

— Хочешь сейчас поговорить? — спросила Марина. — Или лучше завтра?

— Сейчас можно.

— И можно сесть рядом, прикоснуться?

Он посмотрел на свободное место, затем подвинул полотенце ближе к стене.

— Да. Только ладонь не трогай.

Марина закрыла дверь и села, оставив между ними место для руки. Она помогла стянуть рукав, когда Максим сам подал ей край ткани, и положила куртку на стул. Мизинец лежал поверх повязки неподвижно. Она отвела взгляд, прежде чем он заметил, как внимательно она рассматривает пальцы.

— Болит?

— Пока терпимо. Два пальца не чувствую.

— Капитан связался с берегом. Если потребуется, высадим тебя на ближайшей остановке.

— Я слышал разговор.

Марина сцепила руки на коленях. Ей хотелось поправить полотенце, но он уже устроил ладонь так, как ему было удобно. В каюте ощущалась работа двигателя; стакан в держателе дрожал. После событий под мостом этот обычный звук помогал понять, где они находятся.

— Хранитель идёт с нами до устья, — сказала она. — Передал старую карту. Часть договора оставил у себя.

— Объяснил почему?

— Говорит, там его подпись. Я не знаю, что она сделает с нашей.

Максим посмотрел на её руки. Впервые за день она пришла к нему без бумаг, которые нужно проверить.

— Ты узнал того, кто показал выход?

Он провёл здоровой рукой по лицу. Ответил, глядя на повязку:

— Я видел его раньше.

— Почему не сказал на палубе?

— Не хочу, чтобы его записали под моим именем.

Максим молчал. Она могла позвать Корнёва и сверить показания. Но тогда он снова окажется напротив руководителя экспедиции, даже здесь, на своей койке.

— Я спрашиваю потому, что ты мог не вернуться, — сказала она.

— В лодке нас было четверо.

— Знаю.

— Корнёв удержал конец. Матросы вывели. В журнале это есть?

— Есть. Я никого не вычеркнула.

Он поднял глаза. Марина поняла, что последнее прозвучало резче, чем она хотела, и разжала пальцы на коленях.

— Мне страшно, когда я не понимаю, чему ты доверился.

— Мне тоже было страшно.

Он произнёс это без попытки её успокоить. Марина пересела чуть ближе, коснувшись его здорового плеча. Максим не отстранился, но разговор от прикосновения легче не стал.

— На воде я увидел лодку, — сказал он. — Свою. Пустую, кроме меня. Там я уже вернулся, а остальные остались.

— Под мостом?

Он кивнул. Марина вспомнила матроса, который после подъёма не узнавал фамилию на собственном жилете. Корнёв сидел возле него до смены вахты. Люди добрались до судна, но переход всё равно забрал у них то, чего Максим не смог защитить.

— Ты вернул всех четверых.

— Сегодня.

Она убрала ладонь с его плеча. Он говорил о том, что может случиться дальше, а она отвечала только на то, что произошло сегодня.

— Ты боишься остаться там?

— Боюсь выйти один. Потом тебя спросят, где люди, а ты знаешь только, где перестал их видеть.

Марина опустила голову. Несколько секунд она слушала двигатель, затем спросила то, ради чего пришла:

— Если устье потребует, чтобы один из нас остался, что ты сделаешь?

— Посмотрю, можно ли вернуть остальных.

— И предложишь себя.

— Если это сработает.

— Ты даже не знаешь условия.

— Ты спросила, что я сделаю.

Она поднялась и остановилась у стола. Спросила, можно ли убрать старую повязку, и после кивка положила ткань в пакет. Этот вопрос давался легче, чем признание, что она не сможет запретить ему платить собой.

— Скажи, что вернёшься, — попросила она.

— Не могу.

— Максим.

— Я хочу вернуться. Но сказать, что обязательно выйду, сейчас было бы неправдой.

Марина повернулась к нему. Он сидел, опираясь здоровой рукой о край койки, и ждал, пока она примет ответ. Она могла потребовать другого как руководитель. Могла уйти, оставив его гадать, в чём именно он виноват. Вместо этого вернулась на своё место.

— Тогда мне нужно знать, что ты не решишь всё за нас, пока я не вижу.

— Об этом можно договориться.

— До того, как примешь цену, говоришь второму. И ждёшь его решения.

— Ты тоже.

Она уже собиралась ответить, что её задача другая, но Максим не отвёл взгляда. На причале она продолжила игру после треска смычка. В салоне написала людям имена, считая, что это уменьшит риск. У неё находилось объяснение каждому такому решению, и ни одно не оставило другим времени остановить её.

— Я тоже, — сказала Марина.

— Если разговаривать нельзя, сначала отходим. Не считаем молчание ответом.

— А если отходить некуда?

— Не назначаем заранее, кого можно оставить. Разбираемся с тем, что перед нами.

Она положила ладонь рядом с его здоровой рукой, не касаясь повязки. Максим накрыл её пальцы своими. Договор оставлял опасность на месте, но теперь в ней было действие, которое они могли потребовать друг от друга.

— Я не согласна, чтобы ты уходил как наша удобная цена.

— Тогда не готовь для меня такое место.

Марина кивнула. Он не открыл карточку, а она уже знала, какой ответ хотела получить. Исправить написанное было проще, чем перестать составлять его заново в голове.

Максим потянул её к себе здоровой рукой, но остановился, когда она взглянула на повязку. Марина придвинулась сама и поцеловала его. Он ответил, затем отстранился, устранивая раненую руку на полотенце.

— Мне лучше лечь, — сказал он.

— Хочешь, чтобы я осталась?

— Хочу. А ты?

— Да.

Она помогла убрать подушку от стены и погасила верхний свет. У койки осталась небольшая лампа. Марина села рядом, дождалась, пока он устроит руку, и коснулась его лица. Он сам приблизился к ней и снова поцеловал.

Когда Максим поморщился, Марина остановилась. Он попросил дать ему минуту, и она отодвинулась, придерживая край одеяла. Двигатель работал за стеной, у двери покачивалась снятая куртка. Максим поправил полотенце и позвал её обратно.

После близости они лежали рядом, не торопясь заговаривать. Марина поправила одеяло у его плеча, оставив перевязанную руку свободной. Она по-прежнему не знала, что Максим скрыл о свидетеле под мостом, и не стала добиваться ответа, пользуясь тем, что он подпустил её к себе.

— Тебе удобнее, если я уйду спать к себе? — спросила она.

— Ещё побудь.

Он коснулся её волос здоровой рукой. Марина положила голову ему на плечо и слышала, как он выдохнул, перестав поддерживать разговор. Она тоже устала, но сон не приходил: за дверью лежал договор Хранителя, а до прилива оставалось двенадцать суток.

Через некоторое время Максим попросил воды. Она подала стакан и, вернувшись из своей каюты, принесла журнал. Поставила его на стол, где они оба могли видеть страницу.

— Запишу про второе решение. Чтобы завтра не начать спор заново.

— Общий порядок запиши.

Марина открыла журнал после записи о передаче архива. Написала, что никто из полевой связи не принимает единоличную жертву без отдельного решения второго участника. Слово «жертва» заменила на «цену, которая оставляет человека за границей».

Максим прочёл страницу. Указал на место, где она собиралась добавить исключение для немедленной угрозы.

— Вот тут ты опять разрешишь себе решать одной.

— В аварии время бывает на один шаг.

— Тогда запиши шаг. Не постоянное разрешение оставлять человека.

Марина перечеркнула начало исключения. Внесла, что при невозможности получить ответ сначала ищут способ отступить, и оставила неопределённую ситуацию открытой. Максим расписался здоровой рукой. Она поставила свою подпись рядом, заметив, что сегодня её имя впервые не добавляло полномочий.

Потом она вернулась к личному разговору и спросила, чего он ждёт от неё, если выйдет из шва другим. Максим некоторое время смотрел на ручку в её пальцах.

— Назови меня так, чтобы я узнал себя. Не проводником, который должен вернуться за всеми.

— Максимом?

— Если буду помнить это имя. Если нет — найди, на что я отвечаю.

Марина опустила ручку. Он хотел вернуться к ней даже в том случае, если после перехода не сможет выполнить привычную роль. Она могла быть свидетелем этого возвращения, но не знала, сумеет ли принять его без проверки, что всё осталось прежним.

— Один вернётся, если второй назовёт его правильно, — сказала она, пробуя выразить это коротко.

— Эту фразу не записывай.

— Почему?

— Она наша. Я не хочу, чтобы Дом сделал из неё условие.

Марина посмотрела на страницу. Места хватало, и ей очень хотелось сохранить слова, к которым можно будет вернуться, когда они снова перестанут понимать друг друга. Она закрыла журнал, оставив личную фразу незаписанной.

Максим поднялся, придерживая руку. В каюте стало душно, и они вышли на корму, не заходя в салон. Марина набросила куртку; застегнуть молнию Максиму помогла только после его просьбы.

Мост давно остался позади. Вода возле кормы темнела, а свет палубной лампы выхватывал короткую рябь. Марина подошла к поручню. Максим встал рядом, оставив раненую руку перед собой.

Она сделала вдох, и рябь под светом разошлась. Выдохнула — вода собралась к борту. Марина задержала дыхание; движение остановилось, хотя след от винта продолжал уходить за корму.

— Видишь? — спросила она.

Максим кивнул. Он выдохнул позже неё, и на воде появилась вторая полоса. Два движения некоторое время шли отдельно, затем между ними проступил каменный порог.

Марина стояла перед ним одна. Её отражение было в той же куртке, но вместо поручня пальцы касались закрытой Печати. За плечом никого не было. Она повернулась к Максиму, проверяя, что он остаётся рядом, и увидела под его локтем шлюпку.

В ней сидел он сам. Передняя скамья была пустой, вёсла лежали внутри. Отражённый Максим смотрел туда, откуда лодка вышла; на воде перед ним не появлялось ни одного человека.

Марина протянула руку к настоящему Максиму. Он коснулся её пальцев, не наклоняясь над отражением. Они отошли от поручня, и каменный порог исчез. Шлюпка ещё задержалась в полосе света, затем её перекрыл обычный след от винта.

— Это может быть тем, что мы сейчас готовы сделать, — сказала Марина. — Я закрываю одна. Ты возвращаешься один.

— Тогда мы ещё можем сделать иначе.

Она кивнула, но не попросила его подтвердить это подписью. До каюты они дошли вместе. Журнал Марина оставила закрытым на своём столе и вернулась к Максиму.

Утром она вошла за журналом и увидела, что он лежит открытым. Под их договором появилась строка, которую ночью она оставила незаписанной: «Один вернётся, если второй назовёт его правильно». Марина проверила страницу с оборота, затем закрыла дверь и позвала Максима посмотреть на запись.

Глава 7. Бортовой номер ноль

Марина придержала открытый журнал, когда «Береговой» сбросил ход. За переборкой прозвучал сигнал тревоги. Она убрала страницу с ночной фразой в папку и вышла в коридор, где матрос уже направлял людей к корме.

Максим ждал у лестницы. Марина взяла жилет и пошла за ним. Виктория вывела Алину на палубу после зрительного подтверждения тревоги.

За правым бортом шёл второй теплоход. На нём было написано «Береговой», а под названием стоял ноль. Марина узнала в окнах салона собственное отражение, хотя между судами оставалось несколько десятков метров.

Гребнев вызвал её в рубку. На карте две отметки передавали один регистрационный номер. Капитан убрал тягу, но соседний корпус продолжал приближаться, не разворачиваясь к ним носом.

Из радиостанции донёсся голос Марины:

— Требуется помощь. На борту люди. Один вернётся, если второй назовёт его правильно.

Она положила ладонь на край пульта. Максим встал рядом, не касаясь кнопок. Последние слова на частоте повторились с той же паузой, с какой она произнесла их ночью.

— Откуда они это взяли? — спросила Марина.

— Позывной наш, — сказал Гребнев. — Служебная станция признаёт его действующим судном.

Капитан запросил число людей. После короткого шороха заговорил Максим, точнее, его голос из динамика. Он назвал три места в спасательной шлюпке и попросил принять возвращающихся.

Марина посмотрела на настоящего Максима. Он сжал здоровую руку и сказал:

— Под мостом путь показала моя белая тень. Камень подтвердил его позже.

— Ты знал, кто это?

— Знал. Она перерезала отражённый конец. С нами возвращаться отказалась.

Марина вспомнила ответ о неизвестном свидетеле. Теперь ей было ясно, какую часть он оставил за пределами журнала, но спросить, почему заговорил только сейчас, она не успела. На соседнем судне поднялся шлюпочный кран.

— Тень слышала наш разговор? — спросила она.

— Не знаю. Но прятать её участие дальше нельзя. Слова уже используют против нас.

Береговая служба потребовала освободить маршрут для судна с подтверждённым номером. Гребнев указал, что отметок две, и остался на месте.

С двойника спустили шлюпку. В ней сидели три фигуры, среди которых Марина увидела себя в мокрой куртке. Женщина подняла лицо к их палубе; вода стекала с волос на воротник. Возле неё сидела Виктория, а у кормы — Максим без повязки.

Марина остановила матроса, собиравшегося бросить конец, и подошла к поручню с Викторией. Шлюпка двигалась без всплесков от вёсел.

— Куда вы хотите попасть? — спросила Виктория.

Женщина с её лицом повернулась. Смотрела она на поручень, за которым стояли живые люди.

— Я свидетель, который возвращает человеку право ответить.

Марина узнала написанное на карточке. Виктория повторила вопрос, уточнив, хочет ли женщина подняться именно на этот теплоход. Ответ прозвучал слово в слово.

— А ты? — спросила она отражённого Максима.

— Я проводник, который возвращает тех, кого повёл.

Максим отвёл глаза. Он не открыл карточку, а Марина сама написала эти слова. Её заготовку повторяли, чтобы попасть на борт.

Женщина в мокрой куртке потянулась к борту. Марина спросила, согласна ли та подождать, пока установят безопасный способ подъёма.

— Я открываю и закрываю путь, — ответила женщина.

Она продолжала тянуться вверх. На открытой ладони проступили инициалы Марины; матрос отступил от поручня, прижимая конец к себе.

Гребнев приказал не принимать шлюпку. Старпом предложил отвести её струёй из пожарного рукава, но Марина попросила направить воду между судами, оставив фигурам место.

— Там может быть живой человек, — сказала она.

— Эти три на вопросы не отвечают, — заметил капитан.

— Это ещё не доказывает, что весь борт пустой.

Двойник приближался, перекрывая путь для манёвра. Марина ждала решения капитана, не доставая скрипку.

— Проверяем корпус, — сказал он. — Корнёв, к старпому. Рукав по левому проходу, на корме не загромождать выход.

Корнёв закрепил упор для рукава. Ствол держал матрос: инженер берег ушибленное плечо. Струя ударила между бортами, подняв завесу брызг.

Настоящий «Береговой» качнулся на расходящейся волне. Марина переставила ногу, удерживаясь за стойку. У соседнего борта та же волна прошла через нарисованную ватерлинию. Брызги закрыли нос двойника, затем корпус проступил на прежнем месте, не дав крена.

Корнёв показал ниже окон. Плотный контур отражал их судно, но не вытеснял воду. Только возле кормы двойника рябь огибала небольшой тёмный участок, которого не было на плане «Берегового».

— Там вес есть, — сказал инженер. — Под кормовой площадкой.

Марина попросила матроса сместить струю. За брызгами на мгновение появился человек, привязанный возле металлической стойки. Он опустил голову, но рука дёрнулась, когда вода коснулась плеча.

— Живой, — сказала Марина. — У кормы. Убирайте струю от него.

Матрос направил ствол ниже. Шлюпка с отражениями дошла до водяной завесы. Фигура Марины протянула руку сквозь неё, и лицо растянулось по струе; лодка продолжала двигаться, удерживая общий контур.

Марина достала скрипку. На мокром стекле салона уже повторялось движение её руки. Если дать двойнику цельную фразу, он подхватит ритм так же, как терминал на причале.

Марина дождалась взгляда Алины, указала на двойник и подняла ладонь. Алина ответила жестом остановки.

— Я отмечу места остановки, — сказала Марина, глядя ей в лицо. — В промежутке спроси предел. Не открывай дорогу.

Алина раскрыла чехол. Между половинами колокола оставался зазор. Она положила ладонь на скобу, ожидая сигнала, и не стала отвечать на голос из радио.

Марина провела смычком по струне и сразу сняла его. Выдержала паузу, потом дала ещё один короткий звук с другим началом. Двойник повторил оба, но промежуток между ними заполнил непрерывной вибрацией. Его корпус продолжал скользить к настоящему борту.

На третьей остановке Марина подняла руку. Алина обратилась к одной половине колокола и ограничила звучание выбранным промежутком. У борта ослабло давление; шлюпка с тремя фигурами зависла в брызгах, не касаясь их поручня.

Двойник продолжал идти. Он повторял начало звука, но остановиться в той же точке не мог. Возле его кормы трос натянулся над водой, соединяя привязанного человека с носом ложной шлюпки. Металлическая пластина на груди речника отражала ноль.

Марина опустила смычок. Белый тон закончился; прохода он не дал, но принуждение возле человека ослабло. Речник поднял голову и попытался убрать руку от стойки.

— Его номер держит всю запись, — сказала она капитану. — Надо снять человека.

Максим подошёл к шлюпке. Марина посмотрела на повязку, и он остановился, не начиная спуск.

— Сначала решение, — сказал он. — Я знаю, где граница. Матросы поведут лодку и поднимут человека. Сам рукой работать не буду.

Гребнев согласовал подход с внешней стороны двойника, в стороне от винтов настоящего судна. Старший матрос показал Максиму, где удержит лодку.

— Подходим туда, — согласилась Марина. — Если не снимете с первого захода, отходите. Я не буду продолжать игру без вашего ответа.

Максим показал Алине остановку. Та ответила тем же жестом, и он сел в шлюпку с двумя матросами. Корнёв остался у рукава, удерживая упор здоровой рукой.

Гребнев отвёл настоящий теплоход от ложного борта на несколько метров. Марина повторила короткое начало и убрала смычок. Алина отметила промежуток белым тоном. Водяная завеса скрыла фигуры, пока шлюпка обходила корму двойника.

Через бинокль Марина видела, как Максим показывает край площадки. Шлюпка подошла к стойке, и матрос подал человеку петлю.

Из радио донёсся голос Марины:

— Прими цену. Второй уже согласен.

Она оглянулась на Алину. Та смотрела на её лицо и ждала нового жеста; фраза из динамика не заставила её ударить в колокол. Марина подняла ладонь, отменяя продолжение, и попросила Максима подтвердить состояние.

— На месте, — ответил он. — Человека страхуем. Трос пока не режу.

Речник не мог продеть голову в петлю. Матрос наклонился, пропустил конец под его руками и передал свободную часть рулевому. Максим поднялся на край площадки, опираясь на здоровую руку. В отражении под ним опять появилась белая фигура, но Марина не стала звать его назад только из-за неё.

Он потянулся к креплению буксира. Раненую ладонь держал у груди; нож вынул другой рукой. Матрос сообщил, что человек закреплён, и Максим перерезал трос возле стойки.

Двойник остановился. Его нос продолжил движение только в воде, оставив неподвижный контур над поверхностью. Ложная шлюпка распалась у завесы, а фигуры с именами команды исчезли вместе с её бортами.

Матрос снял речника со стойки и опустил в лодку. Максим спрыгнул следом, едва удержавшись на ногах. Когда шлюпка отошла, с кормовой площадки упала табличка; она ударилась о край лодки, и матрос успел подхватить её багром.

Второй «Береговой» осел в воду без волны от корпуса. На его месте осталась рябь, которую ветер понёс к берегу. Марина сняла скрипку с плеча. Крепление смычка выдержало короткую работу, однако продолжать сегодня она уже не решилась.

Шлюпку приняли у настоящего борта. Речник дрожал так сильно, что не мог удержать край одеяла. Его перенесли в салон, и капитан связался с береговыми медиками. Марина села напротив, не требуя сразу назвать себя.

— Вы помните, как попали туда?

Он прижал руку к горлу. Губы двигались, но первые слова удалось разобрать лишь после того, как матрос помог ему устроиться.

— Принял передачу. Сказали, маршрут подтвердить. Вместо подписи...

Он показал на грудь. Там под мокрой тканью лежала пластина с нулём. Максим передал её капитану, предварительно спросив у речника разрешения снять крепление.

Гребнев разложил рядом поднятую табличку. На обороте стояла печать группы Чжоу Ляна. Марина узнала формулировку о законном владельце маршрута и попросила Корнёва снять табличку с обеих сторон.

— Значит, он нас повёл, — сказал матрос.

— Его оборудование здесь есть, — ответила она. — Кто отправил человека, ещё не установили.

Речник снова закашлялся. Марина убрала табличку со стола, чтобы он не следил за ней глазами, и попросила оставить его с матросом. Дрожь не проходила, хотя мокрую одежду уже сняли.

В рубке Гребнев сравнивал старую маршрутную запись с новой. На экране нулевой номер теперь занимал место единственного «Берегового». Второй отметки не было. Капитан сообщил береговой службе, что двойник исчез, и запросил подтверждение положения настоящего судна.

Пока ждали ответа и согласовывали помощь спасённому, прошло четыре часа. Марина успела записать рассказ Максима о тени отдельно от версии Корнёва. Источник пути теперь был назван без присвоения ему имени, а пустое место в прежней записи осталось отмеченным как умолчание.

— Ты мог сказать раньше, — сказала она Максиму, вернув журнал.

— Мог.

Он сообщил правду до нового перехода. Но проверять следующий путь только по его словам она пока не согласилась бы.

Гребнев снова поднял радиостанцию. Марина встала рядом с капитаном и сказала при старпоме, что проверка водой позволила найти живого человека; одним повторением голоса его бы не отличили. Капитан кивнул и попросил не убирать с палубы пожарный рукав до конца осмотра.

Береговая служба ответила, что у них есть только нулевой номер. Гребнев назвал положение, затем передал сведения по другой частоте. На собственном экране отметка настоящего судна погасла тоже; осталась карта с открытым руслом.

— Нас нет ни на одном участке, — сообщил диспетчер. — Подтвердить движение не можем.

Капитан выключил передачу и положил палец на бумажную карту. Матрос у двери спросил, можно ли готовить ход. Гребнев велел ждать. Марина посмотрела на лежавший рядом судовой журнал: люди были пересчитаны, спасённый находился на борту, а разрешённый маршрут теперь принадлежал номеру, под которым их не было.

Глава 8. Три подписи Дома

Значок речного канала погас прежде, чем ушёл запрос матери. Под сообщением о судне с бортовым номером ноль появилось требование подтвердить ответственность Дома. Повторная отправка тоже не прошла. В коридоре закрывали серверную.

Инспектор придерживала дверь, пока её коллега наклеивал контрольную полосу поперёк щели. Виктор вышел после осмотра оборудования, забрав рабочий ноутбук, указанный в акте.

— До окончания проверки внутрь не входить, — сказала инспектор. — Ключ остаётся у вас. Вот номер пломбы, сверьте.

Лиза сверила цифры и записала на копии акта время, когда перестали проходить сообщения на «Береговой». За дверью продолжала работать вентиляция.

— Я не отключала вам канал, — сказала женщина, прочитав приписку.

— Я и не пишу, что вы отключили.

Инспектор отдала копию и развернула служебный планшет к Лизе. Во вчерашней записи об отправлении судна вместо названия теперь стоял ноль.

— Нам нужно установить, кто отвечает за связь с этим объектом. Заявка пришла от Дома.

— С судном. Там люди.

— Тогда подтвердите связь. В форме три подписи. После проверки оператор сможет восстановить доступ.

Лиза взяла распечатку. Дом просил вернуть навигационный статус судна и подтверждал связь с экспедицией. Требовались подписи трёх дежурных. Мать осталась на реке без диспетчера, и здесь предлагали вернуть его за несколько минут.

Виктор коснулся края листа, не забирая его у неё.

— Дай номер документа. У меня осталась вчерашняя выгрузка.

Они прошли к столу возле окна. Инспектор разрешила открыть на ноутбуке полученные Домом документы. Виктор сравнил сохранённое уведомление с новым. По ссылке из него открывалась история версий; там значилось изменение вложенных условий.

— Это обычный доступ? — спросила Лиза.

— Наш экземпляр и его история. Ничего чужого я не открываю.

Он загрузил приложение, пока городская сеть ещё работала. По нему каждый будущий ответ экспедиции считался заранее согласованным тремя подписантами, если для него не поступало отдельного запрета по официальному речному каналу.

— По тому, которого у нас уже нет, — сказала она.

Виктор прокрутил страницу. Условие распространялось и на распоряжения участников о допустимом Белом пределе. Подписанты получали право представлять такие распоряжения как владельцы маршрута.

Она позвала инспектора. Та прочитала условие и открыла приложение на служебном планшете.

— На печать это не вывелось, — сказала она.

— Но подпись распространяется и на него?

— Если приложение включено в форму, да. Я уточню.

Пока инспектор звонила, Лиза перечитала условие. Им предлагали подписать один раз за всех, кто ещё даже не видел вопроса.

— Кто это добавил? — спросила она Виктора.

— Здесь учётная запись службы подготовки форм. Человека по ней не установить. И время загрузки не доказывает время правки.

— Группа Чжоу Ляна?

— Условие связано с тем же приложением, что вчера. Этого мало, чтобы назвать автора.

Лиза записала номер версии. Модель Чжоу Ляна связывала имена с владельцем, чтобы получать его согласие раньше, чем человек отвечал сам. Имя предполагаемого автора Лиза в предупреждение матери не вписала.

Инспектор вернулась. Замечание к акту приняли, но форму менять не разрешили. Без подтверждения городской оператор прекращал обслуживание Дома.

— Сколько времени у нас есть? — спросила Лиза.

— Сорок минут. Я внесу, что вы попросили разъяснить условие.

— А восстановить только связь?

Женщина покачала головой и снова посмотрела на приложение.

— Такого варианта мне не дали. Замечание я отправлю сейчас.

Лиза вышла во двор. Денис придерживал у ступеньки тележку с бумагой. Она попросила оставить её под навесом и собрать тех, кто дежурил в Доме.

Когда подошёл Виктор, у скамьи ждали трое. Женщина из вечерней смены держала кружку; молодой дежурный сел рядом с Денисом. Лиза положила перед ними распечатку и отдельно — найденное приложение.

— Три подписи могут вернуть «Береговому» речной канал. Но тогда будущие ответы людей на судне будут считаться согласованными нами. Возражать придётся через этот же канал. Если не подпишем, останется коротковолновая связь. Она медленнее, и мы не знаем, когда нас услышат.

— Они там в опасности? — спросил Денис.

— Судно исчезло из реестра. Последнее сообщение пришло до отключения. Остального я пока не знаю.

Женщина поставила кружку на землю.

— Я подпишу. Если им надо дойти до берега, пусть сначала дойдут.

— Даже с этим условием?

— Я прочитала. Да.

Денис дочитал строку о владельце маршрута и вернул лист.

— Я тоже готов. Но скажу сразу: за тех, кто на судне, я решать не умею.

Дежурный смотрел на места для подписей. Лиза ждала его ответа.

— Я не знаю, — ответил он. — Если не подпишу, им станет хуже. Если подпишу, может, тоже. Я не могу выбрать за минуту.

Лиза раскрыла журнал и записала каждый ответ рядом с именем. Денис заглянул через её плечо.

— Значит, третьего найдём?

— Искать до первого согласного не будем. Он ответил, и его ответ остаётся.

— Но ты сама можешь подписать.

Лиза посмотрела на пустое место. Помогая матери, она подписала бы согласие и за Максима, которого даже не спросила.

— Я отказываюсь от этой формы. Возьму на себя переход на резервную связь. Ваши ответы не меняю.

Виктор сверил записи со сказанным и вернул журнал Лизе.

— Укажи время и номер приложения. И что было известно о связи на момент решения. Она дописала и позвала инспектора принять отказ. Форма осталась без подписей.

Женщина едва дошла до скамьи, когда у Дениса завибрировал телефон. Он вынул его и показал белое окно с эмблемой городского сервиса. Для сохранения уведомлений предлагалось подтвердить участие в обеспечении маршрута. Большая кнопка внизу называлась «Согласен».

— Это про нашу связь? — спросил он.

Виктор наклонился к экрану, но Денис уже нажал кнопку. На дисплее появилось подтверждение, а на странице акта в планшете инспектора открылось дополнительное поле. В нём стояло имя Дениса и отметка о переданном праве ответа.

Лиза попросила его не убирать телефон.

— Открой условие. Под кнопкой.

Денис развернул полный текст. Там было то же согласование будущих ответов, но теперь его собирали у жителей.

У ворот женщина с пакетом нажала на экран и пошла дальше. Дежурный окликнул её. Она решила, что согласилась на обработку данных для получения городских уведомлений.

Лиза увидела такое же окно на телефоне прохожего у ограды. Он пытался свернуть его, но оно возвращалось поверх карты. Внизу уже шёл отсчёт до принятия настроек по умолчанию.

— Я это не рассылала, — сказала инспектор. Она показала коллеге новое поле. — Запишите начало рассылки.

Виктор повернулся к Лизе, показывая на наружный шкаф у стены.

— Через нашу внешнюю точку идёт городской сервис. Пока она работает, двор в зоне рассылки. Отключить можно снаружи, серверную не тронем.

— Отправленные ответы исчезнут?

— Нет. Их придётся отзываться отдельно. Новые здесь хотя бы перестанут подставляться.

Лиза попросила добровольцев объяснить людям условие и помочь найти отзыв. Напомнила, что брать чужой телефон можно только с разрешения. Денис показал инспектору своё подтверждение.

— Как его отменить?

Инспектор нашла в служебной справке страницу отзыва и попросила сохранять квитанции. Денис пошёл к воротам, объясняя дежурному, как её открыть.

Виктор принёс ключ от наружного шкафа. На дверце стоял инвентарный номер Дома; пломбы проверки здесь не было. Он открыл шкаф и показал Лизе кабель питания коммутатора.

— Сверх с актом. Чтобы потом не получилось, что мы выключили другое.

Она сверила и записала время. Инспектор предупредила, что отключение будет отражено в акте. Виктор держал дверцу, пока Лиза вытаскивала вилку из розетки. Индикаторы погасли, но телефон у женщины возле ворот продолжал показывать принятое согласие.

Лиза отсоединила кабель внешней линии. Виктор помог уложить его так, чтобы конец не касался разъёма, и закрыл шкаф. На её телефоне пропала сеть Дома. Вместе с ней оборвалась связь с городским журналом происшествий.

На двух телефонах страница отзыва не открывалась. Инспектор дала Денису бумажные бланки и обещала отправить обращения со своего планшета. Отменить согласие она могла только по просьбе самих жителей.

Женщина с пакетом присела на принесённый Лизой стул. Перечитала условие и попросила помочь с отзывом.

Прохожий у ограды отказался отзываться согласие. Лиза оставила ему адрес службы и записала в журнале, что условие показали, но подтверждение осталось в силе.

Уведомления перестали приходить, но один отзыв ещё ожидал приёма. Телефон Дениса показывал отмену; в планшете инспектора его имя оставалось до следующего обновления.

По окончании срока инспектор вручила уведомление об отключении официального речевого канала. Лиза прочитала его и расписалась в получении. Серверная осталась опечатанной.

Виктор принёс коротковолновый комплект с отдельным аккумулятором. Лиза держала оконную раму, пока он выводил кабель к антенне. На столе поставили приёмник с приставкой для печати сообщений на ленте.

Связь с «Береговым» искали по резервному расписанию. Первый вызов ушёл в помехи. Во второй раз ответила чужая станция и попросила освободить частоту. Лиза посмотрела на часы: за это время по городскому каналу успело бы пройти несколько предупреждений.

Она сократила сообщение до двух строк: «Не подписывать формы владельца. Связь ограничена». Денис передал бумажную копию курьеру для береговой службы.

Виктор поправил настройку и дал Лизе наушники. Она снова назвала «Береговой», медленно повторила предупреждение и попросила подтвердить приём. Несколько секунд слышала только треск. Потом сквозь него пробился голос Марины: мать повторила слова о формах владельца и спросила, что случилось.

Лиза начала объяснять про приложение, но голос оборвался. Ещё два вызова остались без ответа. Виктор показал на часы и записал время следующего сеанса. Предупреждение дошло, но объяснить запрет не удалось.

Лиза сняла наушники и открыла журнал на новой странице. Дежурные возвращались во двор по одному, оставляя копии обращений на столе. Они договорились вместе решать, что передавать. Виктор сел проверять каждое сообщение до выхода в эфир.

Приёмник щёлкнул, и приставка потянула бумажную ленту. Лиза придержала её за край, дожидаясь конца строки. После координаты «50°32' с. ш., 137°01' в. д.» напечаталось слово «Комсомольск». Она положила ленту возле журнала и подвинула к Виктору, оставив под сообщением место для отметки о проверке.

Глава 9. Русло с чужим именем

Марина смотрела на буй, пока его номер не сменился с семнадцатого на девятый. Она оглянулась на карту. Вернулась к бую — уже двадцать три. «Береговой» шёл малым ходом, а ветер прижимал к воде пену. До Комсомольска оставался участок, который капитан рассчитывал пройти до рассвета.

Гребнев закрыл экран с недоступным маршрутом и велел рулевому перейти на ручное управление. Эхолот продолжал работать. Под килем хватало воды, но впереди течение расходилось вокруг низкого острова.

— Номера не принимаем, — сказал капитан. — Смотрим глубину. Если начнёт падать, сразу докладывай.

Три линии прохода на втором экране назывались «Основной ход» и отмечались как действующие. Гребнев выключил его, оставив бумажную схему с промерами.

Максим положил Камень Звезды на край стола. В трещине светились три расходящиеся полосы. Он повернул камень здоровой рукой, но рисунок не изменился.

— Все три активны, — сказал он. — Дальше камень не различает.

— А нам нужен проход с глубиной, — ответил Гребнев.

Марина развернула карту Хранителя. На ней остров выглядел длиннее, а левый берег носил название, которого не было на современной схеме. Она показала лист капитану.

— Можно привязаться к этому мысу?

— Если он ещё мыс. Берег здесь подмывает. Дай мне место для промеров.

Она убрала карту с его рабочей половины стола. Хранитель у двери рубки провёл пальцем вдоль старого берега.

— Так его называли на момент записи. Это не подтверждение нынешнего хода.

— Вы здесь проходили?

— Проходил. По этой карте сегодня я бы судно не повёл.

Радист поймал обрывок резервной передачи. После позывного Дома Марина разобрала лишь слово «координата». Дневное предупреждение Лизы о формах владельца так и осталось без объяснения. Теперь передача исчезла прежде, чем получили цифры.

За стеклом рубки вода поднялась узкой белой кромкой. Она пересекла волну и потянулась к правому борту, сохраняя прямой угол. Следом обозначилась вторая линия. На выключенном экране проступила надпись: «Проход назначен владельцем».

Гребнев велел дать задний ход. Винт взбил воду за кормой, однако нос продолжал разворачиваться к правой протоке. Показания глубины пошли вниз. Судно качнуло, и снаружи раздался удар.

Матрос у двери сообщил, что за бортом натянулся конец. Максим уже шёл на палубу. У трапа Марина увидела, как белая линия поднялась к кнехту. На ней появилась мокрая оплётка; кнехт скрипнул.

— Руку береги, — сказала она.

— Держать не буду. Дай пройти.

Он взял топор левой рукой. Двое матросов вышли следом: ближний нёс багор, второй держал топор. Максим рубанул верёвку у самой палубы, не перехватывая её раненой ладонью. Лезвие застряло в оплётке. Матрос выдернул топор и довёл удар; конец отскочил за борт, оставив на краске глубокую полосу.

Новая петля затянулась на основании стойки, снова дёрнув борт к мели. Марина отступила, показывая Алине держаться у надстройки.

Корнёв опустилсь возле повреждённой стойки. Старая сварка расходилась, а нижний край крепления выворачивал лист обшивки. Он загнал под него деревянный клин, чтобы

металл не рвал борт дальше. Матрос перерубил петлю, но вместо неё к стойке потянулись два новых конца.

Марина показала на них Алине и провела рукой вправо, повторив движение судна. Алина посмотрела на борт, потом подняла раскрытую ладонь. Она ждала подтверждения, что остановить нужно именно стягивание. Марина кивнула и показала на капитана в окне рубки.

Гребнев сбросил ход. Он показал обе пустые ладони: новая команда на движение будет от него. Алина открыла футляр и проверила крепление расколотого Колокола. Между серебряными половинами оставался просвет; отдельный осколок лежал в своём гнезде.

Она указала на натянутые концы, затем коснулась одной половины. Алина прижала пальцы к запястью. Они уже проверяли предел паузы: сорок ударов пульса без возможности немедленно повторить.

Белый тон прошёл через палубу. Концы перестали натягиваться, хотя остались на месте. Корпус больше не тащило к правой протоке. Алина считала пульс.

Глубина ещё позволяла манёвр. Марина подошла к Корнёву, пытаясь собрать команду в связку перед манёвром.

— Капитан удерживает судно. Максим ведёт. Корнёв держит борт, — сказала она. — Алина даёт нам остановку, Виктория подтверждает право идти.

В воде, залившей палубу у ног Корнёва, появились буквы. Белая полоса замкнулась вокруг его ботинок. Он попытался отступить, но его прижало боком к выгнутому креплению.

— Марина, убери это! — выкрикнул он.

Она схватила его за рукав, но полоса держала ноги. Край крепления вдавился Корнёву под рёбра. Он коротко втянул воздух.

— Отменяю свою команду, — сказала Марина. — Корнёв, можешь уйти от борта. Я не назначаю тебе место.

Полоса разомкнулась. Матрос подхватил Корнёва под здоровую руку и отвёл от стойки. Марина подняла голову к рубке.

— Всем отмена моей формулы! Решайте ближайшее действие сами.

Гребнев высунулся в открытое окно.

— Я выбираю участок по глубине. Движение — по моей команде.

Максим показал на промежуток между белыми линиями.

— Проверю выход слева. Иду до носа, дальше не обещаю.

Он двинулся вдоль надстройки, удерживаясь левой рукой за поручень. Корнёв выпрямился настолько, насколько мог, и взял у матроса клин.

— Закреплю этот лист. Стойку пока оставим.

Он опустился сбоку, где мог отойти. Матрос удерживал клин, пока Корнёв забивал его.

Алина подняла ладонь перед лицом Марины и показала на себя. Решение об остановке оставалось её решением. Марина кивнула; Алина снова нашла пульс, не касаясь Колокола.

У двери надстройки стояла Виктория. Рядом с ней держался за косяк спасённый речник, которого Марина собиралась спросить о протоке. Он вышел вверх в чужой куртке и теперь пытался вернуться внутрь.

— Я останусь с ним, — сказала Виктория. — Он отказался показывать путь. Его не зовём.

Она пропустила речника и закрыла дверь от брызг. Капитан услышал отказ и не требовал другого ответа.

Максим дошёл до носа и показал промежуток, где течение проходило между линиями. В воде там плыла ветка. Она миновала кромку, не меняя скорости. Максим проверял выход по течению.

— Глубина держится! — донеслось из рубки.

Матрос срубил последний конец. Корнёв проверил клин и отодвинулся. Судно лежало без хода между белыми линиями.

Алина подняла руку, показывая конец отсчёта. Марина ждала возобновления хода, но корпус не двинулся относительно линий. Из воды больше не тянулись концы; прекратилось принуждение, а решения идти дальше ещё не было.

Гребнев посмотрел на промер, затем на Максима у носа.

— Малый вперёд. Лево десять.

Рулевой повторил команду. За кормой снова закипела вода, и нос медленно вошёл в промежуток. Максим вернулся за ограждение, когда линия прошла у самого борта. Марина держала Алину за локоть с её согласия, чтобы та могла убрать Колокол, не потеряв равновесия.

Показания глубины сначала уменьшились, потом замерли. Гребнев дал больше хода, выводя корму из узкого прохода. Судно накренилось на порыве ветра; Корнёв сел возле надстройки и обеими руками удерживал себя от скольжения. Клин остался на месте.

Белая линия за кормой свернулась в прямоугольник. На воде ещё можно было разобрать название назначенного хода, но «Береговой» уже шёл поперёк него. Гребнев не сверял с надписью ни одной команды. Когда глубина начала расти, он уменьшил обороты и направил судно вдоль левого берега.

Марина присела рядом с Корнёвым. Он держал ладонь на боку и не позволил ей поднять его за плечи.

— Сначала скажи, где болит.

— Под рукой. Дай посидеть.

Она позвала матроса с аптечкой. Под рёбрами Корнёва проступало красное пятно. Он расстегнул куртку для холодного пакета, морщась при каждом вдохе.

— Стойку надо разгрузить, — сказал он. — И к ней никого не пускать.

— Сделаем. Тебе сейчас вниз, на осмотр.

— Сам встану. Только не тяни.

Марина помогла ему подняться, подставив руку там, где он попросил. У трапа Корнёв остановился: ему было трудно повернуться. Виктория взяла аптечку и пошла с ним.

— Это я тебя закрепила, — сказала Марина. — Ты уже отходил.

— Я слышал отмену. В следующий раз начни с неё.

Он спустился, держась за перила. Максим пошёл с матросом менять повязку, на которой выступила кровь. От помощи Марины он отказался.

Гребнев записывал расход топлива. Задний ход и выход против течения сократили запас до следующей заправки.

— Сколько осталось? — спросила Марина.

Он показал запись.

— До порта дойдём. Запас на ещё такой выход я тебе не обещаю.

— Я почти удержала человека у борта. Своей командой.

Гребнев отложил карандаш.

— Тогда больше не назначай мне роль в связке. Спрашивай, что я делаю. На судне я отвечаю сам.

— Хорошо. И можете остановить меня, если опять начну.

— Могу и буду.

Она вписала отмену в журнал. Пять решений были выполнены без общей формулы. Марина всё ещё пыталась придумать, как в следующий раз задать безопасный вопрос, чтобы никто не оказался у повреждённого борта.

Слева замигал огонь. Человек на берегу махал фонарём возле низкого настила. Гребнев направил на него прожектор и держал судно на расстоянии, проверяя глубину. Из переносного громкоговорителя донёсся вопрос, не нужна ли помощь.

Матрос взял мегафон, и Марина подошла с ним к борту. Женщина на берегу оттягивала лодку от освещённого настила.

— К Катиному спуску не суйтесь! Подмыло. Держите дальше, к печке!

— К какой печке? — спросил матрос.

Женщина повернулась и посветила на остаток кирпичной трубы за оградой.

— У нас так зовут. Печной проход. Муж сейчас глубину покажет.

Мужчина спустил с настила лодку и взял промерный шест. Гребнев велел ему оставаться ближе к берегу. Тот показал, где отмель кончалась, и провёл лодку вдоль её края. На старой карте Хранителя этого названия не было; на современной всё место занимал «Основной ход».

Над водой возле настила загорелись слова «Катин спуск». Марина посмотрела на женщину: та продолжала вытягивать лодку, чтобы её не разбило о сваи. Буквы не заставляли её бросить работу или повторять название. Свет потянулся вдоль берега туда, куда мужчина добровольно отвёл свою лодку.

Когда он поднял шест, возле старой трубы проступил «Печной проход». Между названиями появилась линия, повторяющая проверенный край отмели. Она не тянулась к корпусу. Гребнев сверил её с промерами и прошёл снаружи, сохранив выбранную глубину.

Марина попросила матроса поблагодарить людей. Женщина подняла руку и вернулась к лодке. Свет на берегу остался, обозначив первый участок пути, которого ни одна из принесённых карт не подтверждала.

Резервная передача пришла уже после прохода. Марина сравнила полученную координату с местом манёвра. Передача со словом «Комсомольск» опоздала; её приложили к записи о случившемся.

К рассвету ветер ослаб. Корнёв лежал в каюте с холодным пакетом на боку, а повреждённую стойку огородили. Гребнев запросил береговой осмотр инженера и возможность заправки. Ответ о приёме судна задерживался из-за отсутствующей регистрации.

Официальный катер подошёл со стороны порта. Его номер не менялся, и Гребнев сначала подтвердил его по радио, затем разрешил приблизиться. У ограждения стоял Чжоу Лян. Когда Марина вышла к борту, он поднял папку, защищённую прозрачным чехлом.

— У вас повреждение и сокращённый запас топлива, — сказал он. — Я могу обеспечить заправку. Регистрацию восстановим до входа в порт.

— На каких условиях?

— Посмотрите предложение. Здесь также имена четырёх следующих остановок. С ними вас примут без нового выбора русла.

Матрос катера передал папку на шесте. Марина приняла её, не открывая застёжку у воды. На первой странице были указаны объём топлива и причал, где его готовы выдать; за ней лежал список правильных имён всех четырёх остановок. Она отнесла папку в рубку и положила перед Гребневым рядом с записью оставшегося запаса.

Часть 2. Города, которые река помнит иначе

Глава 10. Город по заводскому гудку

К причалу «Береговой» подошёл уже под своим номером. Гребнев сверил запись с диспетчером, оставив под рукой ночные промеры. Марина держала договор Чжоу Ляна. Регистрацию восстановили до её подписи; топливо ещё предстояло получить.

Помощь связывалась с совместным управлением маршрутом. Марина зачеркнула эту строку. В приложении его группа получала право подтверждать имена на будущих остановках.

Чжоу Лян поднялся в рубку после швартовки. Он положил пропуск рядом с зачёркнутой строкой.

— Мои документы открывают доступ. Вы проверяете магическую безопасность. Временный договор, до выхода.

— Здесь написано другое.

— Обсудим границы. Сейчас вам нужна заправка.

Гребнев вызвал матроса и велел передать Корнёва береговому медику. Инженер спулся медленно, придерживая бок. Вместе с ним на осмотр отправили спасённого речника. Марина дождалась, пока оба сойдут на берег.

— Топливо и работа в этом порту. Имена не передаём. За следующие остановки не подписываемся.

Чжоу Лян придвинул лист к себе.

— Ваша оговорка будет в основном тексте. Но проверку вы проведёте вместе с нашей группой. Без доступа к оборудованию вы ничего не установите.

— Доступ не даёт вам права решать за нас.

— И не должен. Пойдёмте, начальник смены ждёт.

Договор остался на столе без подписи. Гребнев поручил судно помощнику и сошёл с ними. Максим держался за поручень левой рукой. Виктория несла журнал; Марина помогла Алине пройти трап.

За ограждением стояла смена. Люди ждали возле проходной с закрытыми дверями, хотя пропуска уже были у них в руках. Начальник смены объяснял Чжоу Ляну, что топливная линия ждёт подтверждения состава работников.

Из-за складского здания протянулся гудок. Двери открылись, и люди одновременно двинулись к набережной. Мужчина с перевязанным запястьем задержался на ступеньке. Его сосед оглянулся и шагнул к нему, но следующий сигнал развернул соседа обратно в строй.

— Павел! — позвал начальник смены.

Никто не повернул головы. Он догнал мужчину, коснулся его плеча и заглянул в лицо.

— Паша, ты меня слышишь?

Тот продолжал смотреть перед собой. Начальник смены убрал руку, потом сказал:

— Стропальщик, остановись.

Мужчина остановился. Его сосед с перевязанным запястьем прошёл мимо, держась на одинаковом расстоянии от остальных. На бейдже Павла оставалось имя, на которое он не отзывался.

На следующем гудке он снова пошёл. Затем резко свернул к товарищу, явно пытаясь догнать его сбоку. Тень у его ног оборвалась возле полосы, нарисованной на асфальте. Павел успел сделать ещё шаг и согнулся, схватившись за живот. Начальник смены подхватил его, но мужчину уже тянуло назад, к строю.

Марина остановила Максима: сперва нужно было остановить технику. Гребнев говорил по переносной рации с портовым диспетчером. Кран над проходом замер, груз опустили на площадку. Начальник смены велел закрыть движение погрузчиков.

— Можно отвести смену? — спросила Марина.

— Они идут к постам. По фамилии не отвечают. По должности выполняют.

— Тогда дайте команду остановиться.

Он попробовал. Люди замедлились, но очередной гудок заставил их двигаться снова. Павел выпрямился, вернувшись за нарисованную полосу. Его тень появилась на асфальте, а рука опять потянулась к товарищу.

Марина открыла футляр скрипки на скамье у стены. Начала с короткого сбоя в ритме, оставив паузу там, где ожидался следующий звук. За складом работал двигатель; его гул заглушил ноты. Она нажала сильнее и услышала треск возле колодки.

Трещина раскрылась, повязка на дереве сдвинулась. Марина отвела смычок. Стропальщик прошёл мимо, не заметив музыки. Алина показала на расходящийся край: усиливать звук было нельзя.

Марина убрала смычок. Гребнев подошёл с начальником смены.

— Подтверждающий сигнал идёт с набережной, — сказал капитан. — Можно изменить порядок вручную. Кто управляет сиреной?

Начальник смены указал на будку возле старой мачты. Рядом с ней стояли двое инспекторов в белых жилетах. Максим посмотрел на дорожку к будке, затем на проход рабочих.

— Через ограждение не пойдём. Слева есть калитка. Проведёте?

Начальник смены достал ключ. Гребнев согласовывал ручные сигналы с диспетчером. Максим повёл остальных вдоль стены, за ограждением.

У будки инспектор выставил ладонь.

— Пульт опечатан. Автоматический режим обеспечивает безопасность смены.

Максим остановился, не касаясь пломбы. Марина показала на Павла, которого снова тянуло за товарищем.

— Этот человек не может выйти из строя. Мы видели, что происходит на сигнале.

— У нас нет распоряжения отключать систему.

Начальник смены поднял рацию. Диспетчер подтвердил остановку механизмов и разрешил перейти на ручную подачу сигналов. Инспектор записал время, однако дверь не открыл.

— Режим меняет обслуживающий работник. Дождитесь его.

Чжоу Лян привёл портового электрика с разрешением на обслуживание. Инспектор сверил заявку, снял контрольную полосу и впустил его. Максим удерживал дверь здоровой рукой.

В будке пахло нагретой проводкой. Электрик повернул переключатель на ручной режим, но лампа автоматической подачи продолжала гореть. По стене пробежала белая строка: «Состав смены подтверждён». Следующий гудок уже готовился; на пульте уменьшалось время до запуска.

— Я отключил запуск, — сказал электрик. — А отсчёт идёт.

Марина показала Алине цифры. Та проследила, как они меняются, затем повернулась к окну, откуда было видно рабочих. На нуле люди одновременно поставили правую ногу, хотя сирена не прозвучала. Алина подняла ладонь, прося всех подождать, и указала на их движение.

Марина написала: «Команда осталась без звука?» Алина кивнула и показала промежуток между шагами, когда человек мог замедлиться. Повторила жест, пока Марина не подтвердила, что поняла.

Гребнев передал первый ручной сигнал с судна. Начальник смены ответил коротким свистком, изменив привычный порядок. Рабочие сбились на шаг, но тут же выровнялись. Павел отступил к товарищу и снова побледнел: тень начала уходить из-под его ботинок.

— У них сохраняется назначение, — сказала Марина. — Даже когда сигнал другой.

Чжоу Лян стоял рядом с пультом и смотрел на неё.

— Что вы предлагаете?

— Дать им время ответить. Без должности.

— Ответить на какой вопрос?

Она едва не предложила общую фразу. Корнёв лежал у медика после её ночной команды. Павел уже выбрал действие, а ей хотелось найти для него безопасные слова.

— Пусть сами скажут, что будут делать сейчас.

Начальник смены взял микрофон местного оповещения. Марина попросила его не называть должности и дожидаться сигнала Алины. Электрик отключил автоматический ввод в усилитель, оставив микрофон; капитан подтвердил, что техника по-прежнему стоит.

Марина достала смычок и взяла его возле повреждения. Несколько лёгких нот он ещё выдерживал. Электрик подвинул микрофон к открытому окну.

Начальник смены ударил ключом по металлической стойке. Звук дошёл до прохода, и ближайший рабочий повернул голову. Марина ответила короткой нотой, намеренно задержав её. Гребнев дал с судна сигнал позже обычного. Между звуками стали слышны шаги, которые прежде совпадали с гудком.

Алина показала раскрытую ладонь. Начальник смены не заполнил паузу свистком. Марина также остановила смычок. Один из рабочих поставил ногу раньше остальных, другой замешкался и посмотрел под ноги. Белая строка на стене мигнула, ожидая подтверждения.

— Что ты сделаешь сейчас? — спросил начальник смены в микрофон.

Павел поднял голову. Вместо ответа у него вырвалось название должности. Он зажал рот ладонью, оглянулся на товарища и попробовал снова.

— Подойду к нему. У него рука болит.

Он вышел из строя. Тень осталась под ногами, хотя на пульте загорелось предупреждение о нарушении состава. Павел взял товарища под локоть и отвёл к скамье. Марина провела смычком ещё раз, не повторяя прежнего промежутка.

Рабочий позади Павла остановился у ограждения.

— Уберу тележку с прохода, — сказал он.

Он оттащил её к стене, и линия людей распалась. Женщина с рабочей сумкой попросила освободить ей дорогу к выходу. Начальник смены открыл калитку, не требуя объяснений. Виктория встала рядом, чтобы уходящего человека не отправляли назад для подтверждения.

Белая строка исчезла. Электрик ещё раз проверил ручной режим и снял палец с кнопки. Отсчёт больше не появлялся. Марина опустила смычок: повязка почти сползла, а трещина стала длиннее. Она уложила его на ткань и закрыла футляр.

Павел отошел на своё имя со скамьи, где снимал с товарища тугую перчатку. Под повязкой виднелась кровь. Виктория вызвала медика; Марина записала время прекращения синхронизации.

Топливный склад оставался закрытым: система ждала полного состава смены и не принимала ручную запись. На причале стояла машина, которую без горючего не могли отвести от подъезда. Диспетчер просил начальника смены решить вопрос, пока следующее судно не подошло к порту.

Чжоу Лян вынул удостоверение и позвонил заведующему складом. Он не требовал вернуть рабочих в строй. Через несколько минут пришло разрешение на отпуск топлива по фактическому приёму, с отдельной записью каждого получателя.

Заведующий открыл дверь. Машину заправили первой и убрали с подъезда. Затем к «Береговому» протянули топливный рукав. Гребнев вернулся на судно принимать горючее и передал помощнику новые документы, проверив количество по счётчику.

Начальник смены пожал руку Чжоу Ляну, потом подошёл к Марине.

— Спасибо. Вместе справились. Одними вашими вопросами склад бы не открылся.

— Знаю, — ответила она.

На столе в будке лежал исправленный договор. Чжоу Лян исключил из него подтверждение имён и будущие решения экспедиции. Совместная работа ограничивалась нынешней стоянкой и безопасным выходом из порта. Его группа предоставляла топливо; Дом передавал результаты проверки этого участка.

Марина прочитала оговорку вслух. Чжоу Лян подтвердил её, но показал последний пункт: он получал место на сопровождающем катере и право присутствовать при выходе «Берегового». К управлению судном этот пункт его не допускал.

— Катер пойдёт рядом до завершения операции, — сказал он. — Иначе я не смогу отвечать за свою часть.

Гребнев по радиации уточнил расстояние сопровождения и порядок связи. Когда эти условия вписали, Марина подписала договор. Чжоу Лян поставил подпись рядом и передал ей экземпляр.

Павел подошёл, когда она убирала бумаги. Его товарища уже повели к медику. Рабочий посмотрел на раскрытый журнал Виктории и спросил, обязательно ли что-нибудь говорить для записи.

— Нет, — сказала Марина. — Можете уйти.

— Я хочу сказать. Только без вашей подсказки.

Она убрала ручку с листа и дала ему закончить.

— Я человек, который ушёл со смены ради товарища. Меня звали обратно, а я всё-таки ушёл.

Виктория спросила разрешения записать его слова. Павел согласился и прочитал запись, прежде чем вернуться к товарищу. Марина раскрыла карту Хранителя, чтобы отметить место. На берегу возле проходной уже светилась точка. Она прикрыла её ладонью, затем отняла руку: свет остался в том же месте, а Павел шёл через открытую калитку и больше не оглядывался на сирену.

Глава 11. Дежурство Лизы

Денис не смог открыть дверь, хотя Лиза видела его через стекло. Он приложил пропуск и назвал себя дежурным приёмной. Замок щёлкнул, но ручка осталась неподвижной. Внутренняя кнопка тоже не помогла.

Денис отступил, освобождая место женщине с ребёнком. Лиза попросила его убрать карточку и повернула обычный ключ.

— Ты зачем пришёл?

— Людей принимать. Я же в смене.

— Что сейчас будешь делать?

Денис посмотрел на женщину, которая пыталась удержать ребёнка под навесом.

— Принесу им стулья. Потом разберусь с очередью.

Он придержал дверь, пока Лиза проверяла, свободен ли проход. На этот раз створка открылась. Денис пропустил женщину, а сам пошёл за стульями. В журнале входа вместо его имени всё ещё стояло «Дежурный приёмной».

Лиза записала случай на отдельном листе. Инспектор предупредила: исправление вчерашнего журнала будут рассматривать как изменение доказательств. Серверная оставалась опечатанной. Новый приём вели на бумаге и на ноутбуке, который не подключали к городской сети.

К полудню на столе лежало больше двухсот обращений. Часть доставили курьеры, остальные принесли жители. Женщина у окна показывала распечатку из школьной системы: её имя заменили словом «Мать». Заявление о том, кто заберёт ребёнка после занятий, теперь принималось от этой роли, а в поле подписи появлялся ответ, которого она не давала.

— Я не просила менять, — сказала она. — И в школе не знают, что делать. Учительница звонила мне сама.

Денис придвинул ей стул. За соседним столом разбирали такой же сбой в рабочем пропуске. Лиза не успевала отвечать.

Антон, вчерашний дежурный, подошёл с пачкой листов.

— Скажи, кого куда. Мы ждём.

На ноутбуке оставалась программа распределения обращений. Лиза открыла настройки, чтобы быстро распределить очередь. Последняя версия требовала, чтобы назначенный человек оставался ответственным до закрытия всех поступивших ему запросов. Отказ возвращал дело старшему смены.

Она закрыла окно. Жителям уже назначали ответы через должности, а программа делала то же внутри Дома.

Лиза попросила добровольцев подойти к столу, оставив проход свободным. Денис спросил, кто теперь старший, глядя на Лизу.

— Прежнее распределение на сегодня отменяем, — сказала Лиза. — Выберите, что можете сделать в ближайший час. Потом решите заново. Если понадобится уйти раньше, скажите, чтобы человек не остался ждать.

— А если никто не выберет его дело? — спросил Антон.

— Запишем, что помощь пока не назначена. Обещать её за другого не будем.

Денис выбрал очередь у входа. Женщина из вечерней смены взяла обращения, в которых требовалось связаться со школой. Антон выбрал звонки по оставленным заявителями номерам.

Виктор остановил её возле ноутбука.

— Ты меняешь порядок без подписи руководителя. Комиссия может оспорить всё, что вы сегодня сделаете от имени Дома.

— Мама не отвечает.

— Это не даёт нам её полномочий. Нужно записать, что вы берёте на себя, и чего не можете обещать.

Женщина с ребёнком всё ещё ждала ответа школы. Лиза посмотрела на её распечатку.

— Тогда принимаем обращения и помогаем связаться. Не подтверждаем вместо городских служб, кто есть кто.

— И срок решения. Чтобы этот час не стал бессрочным.

На чистом листе Лиза указала начало работы и время пересмотра. Виктор попросил уточнить передачу незавершённых обращений. Решили спрашивать заявителя, готов ли он ждать другого добровольца. Лиза поставила лист рядом с часами.

Двое добровольцев решили уйти. Лиза не удерживала их, хотя очередь замедлилась. Антон проводил их взглядом и принялся звонить.

Инспекторы вернулись, когда Денис принёс новый стул. Та же женщина, что опечатывала серверную, положила на стол требование предъявить оригинал журнала. Её коллега раскрыл сумку для документов.

— Мы должны забрать его на проверку, — сказал он.

Лиза достала журнал из шкафа и положила перед ними, не раскрывая.

— Осмотр здесь. Если забираете, нужна опись страниц и запись о передаче.

— Вы препятствуете проверке?

— Я предлагаю осмотр. Свидетели останутся, если согласны.

Остался Денис. Вторым свидетелем согласился стать заявитель, уже закончивший обращение.

Инспектор открыла журнал и сверила последнюю заполненную страницу с копией, которую получила вчера. Лиза держала новый лист работы отдельно. Коллега заметил его и спросил, почему сведения теперь пишут там.

— Оригинал не исправляем, — ответила она. — Новые обращения тоже нельзя потерять.

— Это продолжение журнала?

— Это записи сегодняшнего приёма. Без прежнего номера.

Инспектор записала ответ. Виктор показал время сохранённой копии, оговорив, что она не полная. Лиза подвинула оригинал к проверяющим.

Пока они считали листы, у Антона загорелся телефон. Он извинился перед собеседником, закончил звонок и подошёл к Лизе.

— Меня назначили.

Белое окно сообщало, что для непрерывности приёма установлен временный руководитель. Ниже стояло имя Антона. Срок заканчивался после завершения проверки; кнопки отказа на первой странице не было.

— Ты просил об этом? — спросила Лиза.

— Нет. Но я в списке смены. Наверное, потому что остальные не подходят.

Коллега инспектора посмотрел на уведомление и попросил открыть сведения о назначении. Там значился городской режим непрерывности. Документ предлагал временно подтвердить передачу серверной для обследования оборудования. Лиза не видела ни решения Дома, ни согласия самого Антона.

— Назначение нужно проверить, — сказала инспектор. — Одного уведомления недостаточно.

Её коллега уже достал бланк передачи.

— Если полномочия подтверждаются в системе, человек может расписаться. Иначе мы будем ждать до вечера.

Антон взял бланк. Вчера он сомневался, можно ли соглашаться за экспедицию, а сейчас на его телефоне уже было написано, что он обязан обеспечить проверку. Он перечитал эту строку, потом спросил, где ключ от серверной.

Прежде чем Лиза ответила, Антон сам снял ключ с крючка. Пальцы у него дрожали.

— Антон, остановись, — сказала она. — Ты хочешь передать помещение?

— Я должен. Тут написано.

— Я спросила, хочешь ли ты.

Он посмотрел на закрытую дверь серверной. Инспектор отодвинула бланк от своего коллеги, не давая ему принять подпись раньше проверки.

— Я не знаю, как это делать, — сказал Антон. — Если откажусь, всё встанет. Люди уже ждут.

— На один час мы можем принять работу. Серверную отдавать для этого не нужно.

Антон разжал ладонь. Ключ лежал на ней, оставив на коже вдавленный след.

— Сними это с меня. Я согласился звонить. Руководить не соглашался.

Лиза повторила просьбу Антона при проверяющих и добровольцах. Спросила, верно ли записала, и дождалась ответа словами.

— Да. Я отказываюсь от назначения.

Лиза внесла отказ на новый лист. Указала, что Дом снимает с Антона обязанности временного руководителя по его просьбе, а городское уведомление передаёт на проверку. Антон подписал только свой отказ. Ключ он вернул на крючок сам.

В белом окне появилась строка «Требуется замещение». Телефон предложил передать полномочия следующему человеку из смены. Лиза не выбирала фамилию. Виктор сфотографировал экран с разрешения Антона и попросил сохранить номер уведомления.

— Поле пустое, — сказал коллега инспектора. — Процедура не закрыта.

— Отказ принят и записан, — ответила Лиза. — Это тоже состояние процедуры. Мы не ищем человека, чтобы заполнить место.

Инспектор прочитала запись, потом поставила время в своём акте. Она зарегистрировала отказ Антона. Поле назначения осталось пустым; выбирать замену больше не требовалось. Её коллега убрал бланк передачи серверной, но оставил уведомление о приостановке городского статуса Дома.

Лиза смотрела на пустое поле. Регистру хватало любого руководителя, назначенного раньше, чем тот поймёт, на что отвечает.

Комиссия не согласовала новый порядок. До выяснения полномочий Дом лишился статуса городского участника помощи. Инспекторы составили опись журнала и взяли его под расписку. Виктор сделал разрешённую копию заполненных страниц; новый лист с отказом Антона остался в Доме.

Когда проверяющие ушли, Денис спросил Лизу, кто будет решать спорные обращения.

— До часа дня могу я. Если согласны. Потом выберем заново.

— Ты и так руководишь, — сказал он.

— Сейчас. Запиши, когда заканчивается.

Он написал время рядом с её именем. Антон вернулся к телефону, но прежде спросил, может ли через полчаса уйти. Лиза согласилась и попросила отметить, кому ещё не дозвонился. Он выбрал продолжить работу на этот срок; белое окно назначения было закрыто.

У женщины с ребёнком оставался нерешённый вопрос. Дежурная набрала школу по обычному номеру, и Лиза помогла объяснить, что городское поле «Мать» не подтверждает распоряжение женщины. Учительница попросила письменное заявление и личный приезд. Быстрого исправления не получилось, но женщина забрала копию обращения и поехала сама.

На ноутбуке исчез доступ к очереди городских служб. Виктор проверил уведомление о приостановке: новые обращения от Дома теперь принимались на общих основаниях. Денис

попытался уточнить отправленный запрос и получил ответ, что прежний номер больше не действует. Лиза дала ему бумажную копию для повторной подачи, записав, что заявитель потеряет время.

Через час они остановили распределение новых дел и сверили незавершённые. Один человек решил уйти, не дождавшись помощи. Антон передал свои записи Денису с согласия заявителей. Лиза продлила собственную работу ещё на час после открытого вопроса всем, кто оставался у столов.

Сообщение Марины начало печататься, когда она меняла лист в журнале приёма. Приставка коротковолнового приёмника выдала служебный номер задержанной передачи. Виктор сверил его с записью предыдущего сеанса; начало и объяснение не прошли, сохранилась лишь часть с заголовком «Правильные формулировки для жителей».

Лиза прочитала первую готовую фразу: «Я тот, кто отвечает за свою семью». Ниже шли другие ответы, подобранные для разных обращений. Возле каждого стояла пометка о том, кому его предлагать. Каждый ответ начинался с уже выбранной роли.

Она принесла сообщение Виктору. Тот спросил, не было ли в потерянном начале условия, которое меняет смысл. Лиза отметила, что начало не получено. Затем сняла текст из папки рабочих указаний, куда его положил дежурный, и сохранила копию отдельно: сообщение Марины, предлагающее готовые ответы людям, которых она не слышала.

На бумажной ленте Лиза написала время получения и приложила её к записи об отказе Антона. Денис подошёл за следующим обращением. Она протянула ему чистый лист, а сообщение матери убрала в папку для проверки, застегнув её прежде, чем вернуться к столу.

Глава 12. Склад потерянных фамилий

Максим отпустил край перевязки: мизинец почти не двигался, под повязкой тянуло ладонь. Из склада снова ударили в дверь. Он поднял голову: в узком окне за решёткой стоял рабочий и показывал пропуск, на котором осталось только имя.

Инспектор в белом жилете сверял его с ведомостью на планшете. По документу склад был пуст. Человек пытался назвать фамилию, но вместо слова раздавался щелчок дверного замка.

— Откройте снаружи, — сказал Максим.

Инспектор вставил служебный ключ. Ригель повернулся и сразу вернулся на место. На планшете появилась строка о несовпадении фамилии с ведомостью.

— Объект опечатан. Стену ломать нельзя, — сказал он. — Я запросил аварийный доступ.

— А люди там есть.

— Я вижу. Не спорю с вами.

Рабочий за окном опустил пропуск. За его спиной стеллаж сдвинулся влево, и человек исчез из поля зрения. За дверью плеснула вода, хотя порог находился выше уровня реки.

Двое спасателей проверяли технический люк под навесом. Через него можно было попасть на площадку над старым погрузочным коридором. Врач Савельева застегнула сумку и подошла к Максиму.

— Этой рукой ничего не держите. Если придётся переносить людей, скажете спасателям.

— Понял.

Виктория осталась у люка с рацией и журналом. Максим попросил её записывать услышанное, не подменяя его сведениями планшета. Инспектор отметил вход группы в своём акте и разрешил технический доступ, пока проверяли остальные двери.

Старший спасатель спустился первым. Он закрепил верёвочную лестницу и помог врачу. Максим прошёл следом, держась левой рукой; второй спасатель спустился последним. С площадки было видно воду между стеллажами. В оконных стёклах её уровень доходил до нижней полки, а возле лестницы пол пока оставался влажным.

Максим вынул Камень Звезды. Светлая линия прошла вниз, пересекла затопленный проход и упёрлась в дверь в дальнем конце. Он показал её старшему спасателю.

— Это действующий путь. Проходимость будем проверять сами.

— Сначала людей соберём здесь.

У ближайшего стеллажа лежала ведомость под стеклянной крышкой. Вода обходила её края. В каждой строке стояла фамилия, а справа — номер партии. Когда в строке исчезла буква, металлическая секция сдвинулась и закрыла проход за спиной Максима.

Ящики перекрыли путь к лестнице. В оставшуюся щель не прошли бы носилки.

Из-за стеллажа вышел тот рабочий, которого Максим видел в окне. Он упёрся обеими руками в полку, не позволяя ей прижать сидевшую на полу женщину. На его пропуске возле имени была белая полоса.

— Нас сюда привели проверить карточки, — сказал он. — После гудка. Дверь закрылась, и всё пошло вот так.

Секция снова двинулась. Спасатель вставил распорку, велел рабочему отойти. Максим присел возле женщины: её ботинок застрял под нижней полкой, в воде.

— Как вас зовут?

— Нина. Фамилия была... — Она попыталась договорить и замолчала, глядя на ведомость.

Проход стал ниже. Максим задел плечом полку, которая секунду назад была над головой. На стеклянной крышке возле строки Нины проступило слово «Партия». Он отвёл её взгляд от бумаги.

— Фамилию пока не называйте. Что вы сами хотите сделать сейчас?

— Ногу вытащить.

— Скажите это и попробуйте. Мы поднимем полку.

Нина повторила свой выбор. Стойки разошлись на ладонь, и спасатель приподнял край. Она освободила ботинок, подтянула ногу и с помощью Савельевой встала. Дверь за ними осталась закрытой.

Максим повернулся к рабочему.

— А вы?

— Возьму фонарь. У меня там фонарь остался.

Он снял его с крючка, и следующая секция остановилась. В свете луча показался пожилой мужчина, сидевший на ящике в воде. Савельева добралась до него вместе со вторым спасателем. Из бокового прохода подошли ещё двое работников; один поддерживал другого за плечи.

Теперь Максим видел всех пятерых. Он сообщил число Виктории по рации. Та повторила его и передала инспектору. Сквозь помехи донёсся голос другого сотрудника: с поста противопожарной защиты поступило предупреждение о нагреве в опечатанном помещении.

— Здесь люди! — сказал Максим. — Группа внутри. Не включать воду!

Ответ утонул в металлическом ударе. Над проходом открылась труба, и вода хлынула на стеклянную крышку. Ведомость осталась под ней неподвижной. По полу побежал поток, и отражённый уровень в окнах поднялся одновременно с настоящим.

Виктория требовала остановить подачу. Максим услышал, как инспектор у люка называл номер объекта. На другом конце ответили, что затопление уже разрешено: склад числился пустым, доступ людям был закрыт. Живое сообщение Виктории приняли позже строки об отсутствии работников.

Старший спасатель потянул распорку, освобождая широкий проход. Максим помогал ему левой рукой, но металл заклинило. Стеллаж упирался в распорку, двигаясь по следующей строке ведомости. Они оставили её и пошли к двери, которую показывал Камень.

Вода дошла Максиму до щиколоток. У дальнего прохода она была глубже; пожилой мужчина не мог перестать дрожать. Его промокшая куртка прилипла к спине. Он поднялся с ящика, однако ноги подломились, и спасатель усадил его обратно.

Впереди к двери вёл узкий проход вдоль полок. Максим посветил туда фонарём.

— Пусть он идёт первым. До двери недалеко, мы подстрахуем.

— Он не идёт, — сказала Савельева. — Его несут.

— Нам нужно успеть.

— Поэтому не заставляйте его тратить силы. Он уже не удерживается на ногах.

Она укрыла мужчину и попросила носилки. Максим отвёл рабочего с фонарём проверять проход. Нина согласилась нести сумку врача: идти она могла.

Второй спасатель с работником приготовились переносить мужчину. Савельева указала, как держать носилки, и осталась рядом. Старший освобождал проход вместе с Максимом; менее пострадавший рабочий помогал своему товарищу. Тот с трудом опирался на ушибленную ногу, но мог двигаться, держась за плечо товарища.

Максим дотянулся до ручки дальней двери. На матовом стекле проступило поле фамилии. Он назвал себя полностью. Замок не сдвинулся, а в поле появился номер партии, который Максим уже видел на ведомости.

За стеклом прошла белая фигура. Она остановилась по другую сторону двери, подняв левую руку. Максим узнал собственное движение, но тень повторять его не стала. Он отступил, освобождая ей место в поле зрения.

— Можешь открыть?

Фигура провела пальцем по матовому стеклу. На нём появилось: «Запиши меня отдельно».

Савельева тоже видела буквы. Спасатель направил фонарь на замок.

— Запишу, — сказал Максим. — Самостоятельный участник спасения. Твоё действие, твой выбор.

Тень убрала ладонь со стекла и повернулась к двери боком. Через мутную поверхность было видно, как она сняла внутренний засов, до которого Максим не мог добраться. Потом нажала на корпус замка изнутри. Поле фамилии погасло. Спасатель потянул дверь на себя, и она открылась в погрузочный коридор.

Максим передал Виктории, кто освободил замок. Рация хрипела, но она повторила слова о самостоятельном участнике. Белая фигура осталась возле стекла, придерживая дверь, пока носилки проходили через порог.

Дальше коридор перекрывала перегородка. Снаружи стучал инструмент. Виктория сообщила: Корнёв нашёл наружную панель служебного прохода. Её можно было снять, не трогая несущую кладку. Инспектор разрешил работу после того, как увидел людей в открывшейся двери.

Максим ударил по панели рукояткой фонаря, показывая место. Снаружи ответили. Корнёв назвал положение креплений и попросил отойти: шурупы будут выходить внутрь.

— Рёбра как? — спросил Максим.

— Не поднимаю ничего. Стой дальше от панели.

Зажужжал шуруповёрт. Корнёв снимал крепления на доступной высоте, а портовый работник удерживал лист снаружи. Вода шла к перегородке; Максим видел, как в ней разворачиваются бумажные карточки из опрокинутого ящика. Несколько задержались возле ботинок Нины.

Она наклонилась подобрать их. Савельева остановила её: сумка с лекарствами была сейчас важнее. Максим выловил ближайшую карточку левой рукой и сунул в карман. Другие поплыли под стеллаж, где он уже не мог за ними дотянуться.

Панель подалась наружу. Портовый работник оттащил её с прохода, и в проёме показался Корнёв, прислонившийся плечом к стене. Он уступил место людям, которые принимали носилки. Савельева пошла за пациентом, не позволяя поднять его вертикально в узком проёме.

Старший спасатель остался внутри с Максимом. Они пропускали последних работников, когда сзади дрогнула распорка. Стеллаж развернуло поперёк потока. Спасатель оттолкнул женщину к проёму, но сам не успел отступить: нижняя рама ударила его по голени и прижала к полу.

Максим ухватился правой рукой за стойку. Боль прошла через ладонь, пальцы разжались. Он потерял опору и оказался на коленях в воде.левой рукой поднял фонарь, показывая второму спасателю место удара.

Тот вернулся к раме с коротким ломом. Рабочий, уже вышедший наружу, снова протиснулся в коридор и помог удержать металл. Максим подложил под край доску, которую ему передали из проёма. Раму приподняли достаточно, чтобы вытащить ногу, и сразу опустили обратно.

Старший спасатель не смог встать. Савельева вернулась, осмотрела его и велела готовить перенос. Перелом требовал фиксации; выйти с опорой на товарища он не мог. Максим уступил место врачу и вызвал людей снаружи. Вместе они вынесли пострадавшего через снятую панель.

Савельева со вторым спасателем остались у носилок под навесом. Корнёв сидел у стены, придерживая бок. Максим присел рядом; повязка на руке промокла кровью.

Воду наконец отключили. У люка инспектор разговаривал с постом защиты, требуя сохранить запись разрешения. Виктория стояла возле него с журналом. Максим подошёл и назвал число вышедших работников, затем попросил внести обоих спасателей и врача.

— И белую тень, — добавил он. — Она открыла замок изнутри.

— Вы её видели? — спросила Виктория у Савельевой.

Врач подняла голову и подтвердила. Второй спасатель тоже подтвердил. В матовом окне коридора ещё стояла тень.

— Спасибо, — сказал Максим так, чтобы слышали остальные. — Люди вышли благодаря тебе.

Он не позвал её к себе. Фигура опустила руку и отошла от стекла. Виктория внесла действие в журнал, отдельно от записи о Максиме. Инспектор попросил копию и указал в своём акте, что личность второго участника с внешностью Логинова не установлена.

— Это не второй я, — сказал Максим.

— У вас совпадает внешний признак. Его придётся проверить.

Максим посмотрел на запись и подтвердил только то, чему был свидетелем. Отдельный участник действовал самостоятельно; вписывать ему свою фамилию он не разрешил. Инспектор оставил вопрос открытым и приложил свидетельство врача.

Савельева велела Максиму сесть и протянуть руку. Он потянулся за инструментом, но она остановила его.

— Спасение закончили. Теперь вы пациент.

Он сел на свободную скамью. Пока врач меняла повязку, Виктория раскладывала на ткани уцелевшие карточки. Их принесли снаружи вместе с водой из коридора. Архив сохранился частично: ящик унесло в закрытый ряд, а спасатели больше туда не входили.

Максим вспомнил карточку в кармане. Достал её левой рукой и положил отдельно, сообщив, где подобрал. Виктория расправила загнутый угол. Под стёртым номером читалось «Максим Логинов», а в соседней графе стояла отметка «Не вернулся из устья».

Савельева закончила перевязку и попросила не двигать пальцами. Максим смотрел на карточку, пока Виктория записывала место находки. Потом попросил вложить её между чистыми листами и сохранить вместе с журналом спасения. Виктория убрала карточку между чистыми листами в папку и передала папку Максиму. Он положил её на колени и придержал здоровой рукой.

Глава 13. Чужая исповедь

Марина подвинула к Андрею стакан воды и убрала со стола мокрые карточки. Он сидел в гостиничном кресле, положив руки на колени, и следил за её ручкой. За перегородкой Савельева осматривала спасённых. До отхода оставалось меньше четырёх часов.

Гребнев хотел выйти на рассвете, пока ветер позволял пройти портовый участок. Повреждённую стойку ещё укрепляли. Марина обещала не задерживать судно, но на карте была лишь одна устойчивая точка возле проходной.

Портовый чиновник ждал у окна. Он принёс бланки показаний об аварии на складе и попросил заполнить их до отъезда. Марина положила бланки отдельно от своего журнала, однако чиновник придвинул к Андрею ручку.

— Нам нужна ваша подпись. Что произошло после закрытия двери?

— Я расскажу, — сказал Андрей. — Только можно сначала ей?

Он посмотрел на Марину. Та кивнула и раскрыла тетрадь с подготовленными вопросами. Виктория сидела сбоку, чтобы видеть и собеседника, и карту. Перед ней лежал чистый лист для новой записи.

— Вы помогали товарищу выйти, — начала Марина. — Решили, что не оставите его?

— Он сам идти не мог.

— Значит, для вас важно довести человека до безопасного места.

Андрей потёр ладони о брюки. Он снова поблагодарил её за спасение и спросил, какой ответ нужен для карты.

— Тот, который подходит вам. Например: «Я тот, кто ведёт людей к безопасному берегу».

— Так и сказать?

— Если вы согласны.

Он посмотрел на Викторию, потом повторил фразу целиком. Марина записала её и спросила, разрешает ли он использовать сказанное для следующего участка пути. Андрей ответил сразу, прежде чем она закончила объяснение.

На карте вытянулась светлая линия. Она прошла от склада вниз по течению, открывая утренний маршрут. Точка у проходной не изменилась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.